

Людмила Милевская

ДЖИН ИЗ КОНСЕРВНОЙ БАНКИ

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЭКСМО

Людмила Милевская

Джинн из консервной банки

«Автор»

2002

Милевская Л. И.

Джинн из консервной банки / Л. И. Милевская — «Автор», 2002

Красавица Ольга, дочь русских эмигрантов в Париже, чем только не пробовала заниматься, чтобы как-то утвердиться в этой жизни. Сходила два раза замуж, но неудачно, затем занялась провальным бизнесом по разведению породистых кошек и, наконец, устроилась сиделкой в больницу. Вот тут-то ей и подвернулся богатый старичок. Он был так сражен красотой и парижским шиком Ольги, что тут же женился на ней и увез в Россию. Однако годы шли, а старичок умирать не собирался, к тому же у него имелся сын. «Нужно брать ситуацию в свои руки: поскорее стать вдовой и ни с кем не делиться наследством», – решает Ольга. И вот в ее хорошенькой головке созрел гениальный план.

© Милевская Л. И., 2002

© Автор, 2002

Содержание

Вместо пролога	6
Часть 1	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	33
Глава 8	39
Глава 9	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Людмила Милевская

Джинн из консервной банки

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Вместо пролога

«Господи, – мелькнула в ее гаснущем сознании отчаянная мысль, – Господи, неужели это конец? Не дай мне, о, Боже, уйти, не покаявшись и не постигнув, что я здесь натворила! Что и зачем? Позволь, Всевышний, найти мне, глупой, ответы на эти страшные вопросы!»

Она умирала. Умирала ужасно, мучительно, пытаясь вспомнить как с ней это произошло. В памяти проносились прожитые дни: один за другим, один за другим – все бессмысленные. Она вспоминала. Вдруг мелькание прекратилось, и в сознании остановилась одна страшная картина.

«Какой ужас! Куда я влипла? – испуганно пятясь от трупa, думала Ольга. – Как это произошло? С чего началось?»

Она не верила своим глазам. Совсем недавно он был жив, был красив и вот теперь...

«Нет-нет, этого не может быть. Этого быть не может! Сон! Мне снится сон, всего лишь сон. Страшный сон и ничего более», – уговаривала она себя.

Она вновь попыталась вспомнить с чего все это началось. Дом был пуст и тѐмен. Ольга прошлепала по лестнице в столовую, достала из аптечки лекарство.

Лекарство, да...

Из распахнутого настежь окна повеяло прохладой. Она зябко передернула плечами и, наполнив стакан кипяченой водой из графина, залпом опорожнила его, совершенно забыв, что собиралась принять таблетку.

– Совсем сошла с ума, – нервно рассмеялась она. – Зачем я выпила воду? Я же не хотела пить, а всего лишь собиралась протолкнуть в себя противное лекарство.

Какое-то предчувствие охватило Ольгу. Уже тогда она поняла, что эта противная дрожь вызвана вовсе не ветерком из окна.

– Я нервничаю, потому никак не могу уснуть. Зачем отпустила Марину?

Она вспомнила, что всегда нервничала, когда оставалась в доме одна.

– Включу свет. Везде-везде. Много света.

Она не стала бегать по дому, а с силой дернула рубильник: особняк мгновенно вспыхнул огнями на всех этажах. Проекторы на поляне вспороли ночную тьму пронзительными лучами. Стало светло как днем; Ольга зажмурилась.

– Нет, так еще хуже, – испугалась она, чувствуя себя хорошо освещенной мишенью.

Ее охватил ужас, опасность притаилась везде: в саду за домом, в кустах, там, внизу...

Ольга вышла на улицу, постояла на площадке возле самшитов. Внизу, по серпантину дороги изредка проезжали автомобили. Но слишком уж изредка. И свет от их фар создавал причудливые тени, от чего Ольге казалось, что кто-то мечется по поляне.

«Какая тишина. Хоть бы птичка какая запела», – подумала она и вернулась в дом.

В доме было еще страшней.

– Чего я боюсь? – подбадривала себя Ольга. – Не привидения же?

Она включила телевизор, но не одна из программ ее не заинтересовала.

«Тоска, – немного успокаиваясь, подумала Ольга. – Приму еще одну таблетку и пойду спать».

И в этот миг она услышала шум: в столовой раздались чьи-то шаги. Сердце бешено заколотилось. Она остолбенела, ни в силах сдвинуться с места.

«До рубильника далеко, – с тоской подумала Ольга. – Может выбежать на улицу и закричать?»

С ужасом она обнаружила, что не может бежать: слабость и дрожь в коленях. Душа, казалось, застыла, стала неимоверно материальной и плотной, и от этого к горлу подступила тошнота.

«Все, конец!» – подумала Ольга и непослушные ноги сами вынесли ее из дома.

С криком выбежала она на поляну и, сразу почувствовав себя круглой душой, уныло подумала: «Ну и что дальше? Так и буду стоять до утра на площадке? В ночной рубашке, на виду у всех проезжающих. В свете луны я, наверное, кажусь им фантомом».

Здесь, на улице, все представилось в другом, более жизнеутверждающем свете. Ольга вспомнила, что Марина жаловалась на крыс. «Это крысы, крысы шумели в столовой», – решила Ольга и немного успокоилась. Страх отступил, но недалеко. Затаился на задворках сознания и готов был вернуться в любой момент.

«Надо идти в дом, – решила она и заставила себя переступить порог. – Чего я боюсь? Не нечистой же силы? Надо бояться людей, а здесь, на улице, они как раз опасней всего. В дом постороннему человеку проникнуть невозможно. Решетки на окнах, сигнализация...»

– Черт! – закричала она, пугаясь собственного голоса. – Я забыла включить сигнализацию!

Ольга дернулась от боли. Казалось, душа вот-вот разлучится с телом. Ольга мучительно боялась умирать. Она снова и снова устремлялась с призывом к Богу, но память возвращала ее в самые страшные дни, подсовывая эпизоды из прошлой жизни – один ужасней другого.

«Нет, и не с сигнализации все началось, – безысходно подумала она. – Еще раньше. Раньше, намного раньше: с того дня, когда мы с Жоржем встречали Павла».

Часть 1

Глава 1

– Смотри, Жорж, в аэропорту за стоянку платить тебе. Сегодня я бедная.

– До аэропорта еще надо доехать, – проворчал Георгий. – А это проблематично, учитывая количество забегаловок, подстерегающих нас на пути. Боюсь, ты где-нибудь не выдержишь и тормознешься.

– Не тормознись, – успокоила его Ольга.

Но он возмутился:

– Так я тебе и поверил! И почему за стоянку всегда платить должен я? В прошлый раз ты тоже не платила. Это нечестно. Когда ты прикидываешься бедной, я всегда вспоминаю анекдот о «новом русском», который пришел в швейцарский банк открывать счет. «Я хочу положить на мой счет три миллиона долларов,» – шепотом говорит он служащему. А тот ему отвечает: «Говорите громче, бедность у нас пороком не считается».

– Все! Хватит! Видит бог, я крепилась: приехали!

Серебристый «опель-рекорд» лихо затормозил у дешевого придорожного кафе. В нем сидели двое: красивая эффектная женщина за рулем и рядом с ней белокурый молодой человек, с мягкими, еще юношескими чертами. Он удивленно уставился на спутницу, нервно поерзал и сердито спросил:

– Ольга, почему мы остановились?

Она уронила голову на руль и капризно протянула:

– От-стааань...

Молодой человек пришел в ярость:

– Ольга! В чем дело? Почему мы остановились?

– Подожди, Георгий. Разболелась голова, а таблетку запить нечем. Сейчас я вернусь, – безмятежно ответила Ольга, выходя из машины и направляясь к двери кафе.

– Так я и знал! – в спину ей крикнул Георгий и вздохнул.

Он проводил Ольгу злобным взглядом, озабоченно посмотрел на часы и обреченно подумал: «Теперь точно опоздаем. Опять недовольная физиономия папика, зуд, упреки. И крайний снова я. Ей-то что? Она только ласково глянет, и старый болван растаял...»

Тем временем Ольга распахнула стеклянную дверь и уверенной походкой вошла в кафе. Она гордо несла свое тело, выставя высокую грудь и соблазнительно покачивая бедрами.

– Е-мое, – прошептал бармен.

– Столичная штучка, – согласился официант, направляясь к Ольге.

Его «добрый день» и «чего пожелаете?» прозвучали слишком игриво.

Ольга, словно не слыша его, присела к ближайшему столу, сняла элегантную широкополую шляпу и с грациозной небрежностью сердито швырнула ее в соседнее кресло.

– Сто грамм водки и огурчик, – не удостоив официанта взгляда, воскликнула она и, подумав, добавила: – Хорошей водки.

Официант опешил. Он растерянно посмотрел на Ольгу, перевел взгляд на «опель» – единственный автомобиль, задержавшийся у кафе, и промямлил:

– Простите, не понял, в каком смысле?

Ольга рассеянно осмотрела пустой зал и наконец изволила заметить официанта.

– Вы о чем? – спросила она: так говорят «пшел вон» бездомному псу.

Ее длинные ноги, закинутые одна на другую, возвышались над столом. Официант, разглядывая круглые, обтянутые дорогими чулками колени, замешкался с ответом. Ольга опередила его.

– Вы не поняли в каком смысле мне нужен огурчик? – с издевкой спросила она и вульгарно расхохоталась, содрогаясь всем телом.

Ее черный плащ заструился, зазмеился к полу дорогой тончайшей лакированной кожей, неприлично обнажая до самых бедер красивые стройные ноги. Это было слишком неожиданно. Официант, краснея, понял, что юбки под плащом нет. Было очевидно и то, что узнал он об этом отнюдь не случайно.

«Кто она? – пронеслось в его голове. – Богатенькая приколыщица? Проститутка?»

Проститутку он повидал на своем коротком веку, Ольга на них не была похожа.

«Скорей, богатенькая дамочка дурачится от скуки», – подумал официант.

Он еще раз покосился в окно на «опель» и, слегка запинаясь, спросил:

– Какой в-вы п-предпочитаете огурец?

Спросил и сконфузился, удивляясь сколько двусмысленности эта, на первый взгляд респектабельная дама, сумела внести в их безобидный диалог.

Ольга зло прищурилась.

– Какой огурец можно предпочитать к ста граммам водки? – с презрительной усмешкой спросила она, явно обнаруживая иностранный акцент. – Конечно же соленый. И побыстрей, пожалуйста, я спешу.

Официант был не согласен: почему обязательно соленый огурец? Он знал как минимум сто вариантов закуски (правда, в кафе было максимум пять). Но он не стал спорить, потому что за годы работы вывел простую истину: за женщиной остается последнее слово в любом споре. Всякое слово, сказанное после этого мужчиной, является началом нового спора, а за споры ему не платили. Он кивнул и скрылся в недрах подсобки.

В ожидании заказа, Ольга нервно забарабанила по столу длинными тонкими пальцами.

«Вот же болван! – гневно подумала она. – Какой-то пустяк попросила, а сколько вопросов. Уйму времени отнял. Что за народ?! Что за уроды?! Господи! Какая тоска! Какая жуткая здесь тоска! Ну просто жить не хочется!»

Дверь распахнулась и, громыхнув, захлопнулась, пропустив в зал высокого мужчину лет тридцати. Он вальяжно проследовал к стойке, демонстрируя довольство жизнью, самоуверенность, всеобъемлющее презрение и великолепный профиль.

– Апельсинового соку, старик, – снисходительно бросил он бармену, картинно облокотившись на стойку.

Несмотря на то, что голос мужчины был необычайно низок и чарующе красив, Ольга никак не отреагировала, даже не взглянула на него. Она извлекла из пачки сигарету и раздраженно рылась в сумочке в поисках зажигалки.

Мужчина же, напротив, был ошеломлен красотой незнакомки. Забыв о соке, он поспешно достал из кармана дорогую платиновую «Зиппо» и устремился к столику Ольги.

– Вы позволите? – куртуазно осведомился он, щелкая зажигалкой и поднося язычок голубоватого пламени к ее сигарете.

– Благодарю, – даже не взглянув на мужчину, ответила Ольга.

Она жадно затянулась и, так и не подняв на него глаз, еще раз небрежно бросила:

– Благодарю, вы очень любезны.

Мужчина улыбнулся, собираясь что-то сказать, но в это время бармен торжественно сообщил:

– Ваш сок!

– Неси сюда, старик, – поморщился мужчина и вежливо осведомился у дамы:

– Вы не будете против, если я присяду за этот столик?

«Какого черта он ко мне пристал?» – подумала Ольга, упрямо не желая смотреть на навязчивого собеседника. Она резко качнула ногой (каблук сапожка взметнулся выше стола) и безразлично ответила:

– Как хотите, я все равно уйду. Официант!

Официанта в зале не было. Ольга сердито уставилась на бармена.

– Куда он пропал? – зло спросила она. – Я же не утку по-пекински заказала, а всего лишь соленый огурчик.

Бармен неопределенно пожал плечами.

– Понятно, – ядовито констатировала Ольга, – он огурчик и солит.

В зал вошел официант.

– Наконец-то! – воскликнула Ольга. – И года не прошло...

Мужчина, не отрывавший от нее своих синих глаз, усмехнулся и дал знак бармену, тот заспешил к столу со стаканом сока.

Официант был уже там. Он важно снял с подноса тарелочку с тонко нарезанными солеными огурцами и хрустальную рюмочку, наполненную до краев. Ольга презрительно фыркнула, залпом выпила водку и брезгливо уставилась на огурцы.

– Зачем вы их порезали? – сварливо спросила она.

– Кого?

От растерянности официант выглядел глуповато и сам уже чувствовал это.

– Я говорю об огурцах, – рявкнула Ольга. – Зачем вы их порезали?

– Для удобства, – окончательно растерялся официант.

Ольга пришла в ярость:

– Черт! Вы все испортили! Я хотела целый, понимаете? Целый огурчик. Чтобы кусать с хрустом. А эту, размазанную по тарелке дрянь, лопайте сами!

Она гневно расплатилась и, так ни разу и не взглянув на присевшего к ее столику мужчину, стремительно направилась к выходу. Он же, лениво потягивая апельсиновый сок, смотрел на нее с интересом. Когда Ольга взялась за ручку двери, мужчина поднял со стула ее шляпу и вяло напомнил:

– Мадам, вы что-то забыли.

Ольга замерла на секунду, театрально повернулась и тут же «укололась» о пронзительно-синие глаза, иронически оценивающие ее из-под густой каштановой шевелюры.

– Бог с ней, – равнодушно отворачиваясь, бросила она. – Не хочу возвращаться.

– Вы так суеверны? – усмехнулся мужчина, игриво раскручивая шляпу на указательном пальце.

Ольга увидела его отражение в стеклянной двери, рассердилась, подумала: «Вот же болван!», – и решительно вышла.

– О-о! – раздалось ей вслед.

Мужчина фальшиво усмехнулся, явно задетый равнодушным к себе отношением. Было очевидно: он привык к женскому вниманию.

– Сногшибательная фемина, – тихо произнес бармен ни к кому не обращаясь.

– Да, есть немного, – согласился синеглазый мужчина и презрительно добавил: – Но слишком много о себе мнит. И вульгарна к тому же.

– Похоже, иностранка, – предположил бармен.

– Если судить не по заказу, – вставил официант и поинтересовался: – Интересно, какой у нее акцент?

– Французский, – небрежно бросил синеглазый.

Его настроение явно испортилось. Он с задумчивой поспешностью выпил сок, вышел из кафе и вальяжно направился к черному «порше».

– Апельсинового соку, – передразнил его официант, с ненавистью глядя в окно. – Толку с этих крутых, что с козла молока...

Увидев Ольгу, Георгий удивился:

– Где твоя шляпа?

– Потеряла, – она выругалась, зло уронила руки на руль и сообщила: – Официанту подарила.

– А почему так долго там была? – несмело поинтересовался он, чувствуя, что мачеха не слишком расположена к разговорам.

– Ждала пока порежут огурчики, – перенося раздражение на пасынка, ответила Ольга и яростно включила зажигание.

– Осторожно, – предупредил Георгий, кивая на стоящий за ними новенький «Порш».

Ольга взорвалась:

– Черт! Этот остопоп пристроился к нам притирку! Куда ты смотрел? – набросилась она на Георгия. – Почему не дал понять этому болвану, что он редкостный урод?

– Он так быстро подъехал и сразу выскочил. Я и глазом моргнуть не успел.

– «Не успел моргнуть»! – передразнила его Ольга. – Ты же знаешь, наша калоша прыгает, как лягушка. Теперь приготовься: сейчас наш дешевый «опель» взасос расцелуется с его дорогушим «Поршем». Будет твой папик платить.

Зная нрав мачехи, Георгий испугался:

– Нет-нет, погоди! Хозяин «Порша» уже выходит...

Но Ольга ждать не стала.

– Искусство вождения требует жертв, – крикнула она; и «опель-рекорд» благополучно сорвался с места.

Стремительно набирая скорость, он помчался в сторону аэропорта. Георгий расслабился и тайком смахнул со лба пот.

– Фу-уу! Пронесло! – с облегчением выдохнула и Ольга.

Успокоившись, она по-привычке набросилась на пасынка:

– А все твой папочка, жаден до безобразия. Сколько еще мне дожидаться приличной машины? Приедем, обязательно расскажи Павлу об этом случае. Пусть знает, каким опасностям я подвергаюсь из-за его дурацкой жадности.

«Очень мне надо стараться ради тебя,» – подумал Георгий, но вслух сказал:

– Мы подвергаемся опасностям по другой причине. Ты опять пила?

Ольга испугалась:

– А что? Слышно?

– Не то слово, – «успокоил» ее Георгий.

– Черт! Как не везет! – фальшиво разволновалась она. – А все идиотская забегаловка. Хотела промочить горло соком, ну в крайнем случае пивом...

– Запить таблетку, – желчно напомнил Георгий, – от головной боли.

– Ах, да! Да-да, надо было запить таблетку, но у них ничего, кроме водки, не оказалось, – заключила она, миролюбиво улыбнувшись.

– Вот теперь сама и будешь выкручиваться перед отцом, – злорадно заявил Георгий и демонстративно отвернулся.

– Хороший ответ. Постараюсь его запомнить, – с угрозой воскликнула Ольга.

Георгий понял, что переборщил и, не решаясь ругаться с мачехой, пошел на мировую:

– А что я могу сделать? Знаешь сама, он все равно унюхает.

– Может и унюхает, – согласилась она, – но если будешь держать язык за зубами, все обойдется. Пожую жвачку, выкурю сигарету и пусть нюхает. К тому же у него хронический ренит.

- А нюх, как у собаки, – безрадостно усмехнулся Георгий.
- Вот увидишь, Павлик ругаться не станет, – заверила его Ольга.
- Посмотрим, посмотрим, – с сомнением откликнулся он.

Вид у него был чрезвычайно кислый.

– Не унывай, – призвала Ольга, игриво подмигивая: – Грех предаваться унынию, когда есть другие грехи.

– О-о, по части грехов ты мастерица, – воскликнул Георгий. – Есть чему поучиться даже мне.

Глава 2

Подрулив ко входу в аэропорт, Ольга начальственно произнесла:

– Беги разужнай прилетел ли самолет, а я пока припаркую машину.

«Чего там разузнавать? – сердито подумал Георгий. – И так понятно, что здорово опоздали. Очередной лисий заход: отец на мне оторвется, а ей достанутся любовь да ласка».

Однако спорить он не стал: нехотя покинул «опель» и направился к зданию аэропорта.

Вскоре радостная Ольга разыскала Георгия в зале ожидания.

– Ну, что я говорила? Задерживается по погодным условиям, – торжествующе сообщила она. – Зря волновался. Еще такой молодой, а уже пессимист.

– Зато ты у нас престарелая оптимистка, – беззлобно огрызнулся Георгий.

Он понимал, что мачеха в слишком хорошем настроении, чтобы обращать внимание на его рискованные шутки. Откуда взялось это настроение он тоже прекрасно знал: появились время и повод для посещения бара.

И он не ошибся. Ольга действительно не обиделась, лишь шутливо погрозила ему пальцем:

– Но-но, не хами, парниша! Пойдем-ка, Жоржик, лучше в бар.

Георгий, пользуясь случаем, решил показать характер.

– Во избежание неприятностей, я лучше не пойду, – ответил он.

Ольга обняла пасынка и терпеливо принялась его уговаривать:

– Ну хватит ломаться, Жорик. Неприятностей не будет. Теперь, когда в запасе целых два часа, у меня появилось веское оправдание. Павлик не станет слишком корить свою любимую женушку за легкий запах спиртного, поскольку обратно машину может вести и он, а сюда я приехала трезвой. Ведь так?

Она с мольбой посмотрела на Георгия и чмокнула его в щеку.

– Так-так, – сдался он, окончательно оттаяв.

Георгий тоже был доволен задержкой самолета, настроение его улучшилось.

Вообще-то он старался сохранять с мачехой дружеские отношения, хоть и недолюбливал ее. Для этого у него имелись веские причины. С тех пор, как отец женился на Ольге, жизнь Георгия превратилась в ад. Павел Александрович стал излишне строг с сыном. За все проступки Ольги, за ее капризность, взбалмошность и неугомонность воздавалось Георгию. И тот стал сторониться отца, что еще больше злило Павла Александровича.

В баре сидели долго. Пора было уходить. Георгий озабоченно посмотрел на часы и поморщился, предвидя некоторые затруднения.

– Ольга, время, – стараясь перекричать грохочущую музыку, сообщил он и потянул упирающуюся мачеху за руку.

– Рано еще, не суетись, – отмахнулась она и взмолилась: – Жорик, миленький, пять минут...

– Нет, все, хватит, – отрезал он, решительно отбирая у нее бокал с «Капри». – Еще сто грамм инвестиций, – и ты недвижимость. А я буду виноват.

Ольга капризно надула губы, изображая из себя маленькую девочку.

– Жо-орик, как тебе не сты-ыдно, что о нас люди подумаю-ют, – пропела она.

«Черт, уже набралась, – мысленно выругался Георгий. – „Что люди подумают“! Нужна ты, старая дура, людям».

Он снова потянул ее за руку:

– Пошли!

Ольга вдруг уронила на стол голову и залилась горькими слезами.

– Я несчастна, несчастна, – приговаривала она, размазывая косметику и слезы по щекам ладонью. – Жизнь уходит, молодость прошла, все прошло...

Зрелище было отвратительно. Георгий разозлился: «Вот же пьянь! Нажралась! Как я, блин, не усмотрел? То-то папик „обрадуется“. А виноват опять буду я!»

Ему хотелось схватить пьяную мачеху за шиворот, вытащить ее из бара и надавать, надавать пощечин! И пинков, пинков надавать! Хороших пинков по заду! По ее холеному заду!

Вместо этого он взял себя в руки и ласково попросил:

– Ну успокойся, Олюшка, не все так плохо, ты просто устала.

– Устала? – она подняла мокрое, перепачканное тушью лицо и обожгла его ненавидящим взглядом. – Устала? От чего? Я же ничем не занимаюсь. Это ты живешь. Веселишься, бегаешь по вечеринкам, по бабам. А я дома сижу, в клетке. Твоего папика жду, будь он не ладен! Боже, зачем я на свет родилась? – с чувством спросила она и потянулась к бокалу.

Георгий понял, что это надолго.

«Если так и дальше пойдет, – испугался он, – и к утру не выберемся из бара. Совсем баба с ума сошла: с жиру бесится и спивается прямо на глазах».

– Слушай, что с тобой происходит? – в отчаянии закричал он.

Как ни странно, крик его души подействовал на нее отрезвляюще. Ольга отставила бокал, сказала «тсс!», приблизила губы к его уху и, делая страшные глаза, прошептала:

– Жорж, мне страшно. Я боюсь.

Он изумился:

– Чего?

Она потрясла головой:

– Не знаю.

Георгий усмехнулся:

– Боишься незнамо чего? Поздравляю тебя: это Белка.

– Что-оо?

– Белая горячка.

– Иди ты к черту! – рассердилась Ольга. – Я серьезно. Предчувствие подсказывает мне, что я на пороге ужасных событий, – зловеще сообщила она и громко икнула.

«Точно Белка, – раздраженно подумал Георгий. – И не удивительно: столько пить!»

– Думаешь, я пьяна? – словно подслушав его мысли, не своим голосом закричала Ольга.

Он испугался:

– Тише! Тише, на нас смотрят.

– Да, ты прав, – согласилась она, послушно переходя на шепот. – Я пьяна. Пьяна, потому и говорю тебе об этом.

– О чем, об этом?

– О самом сокровенном, – пояснила она и снова икнула. – Трезвая я не решилась бы, честное слово. Жорик, мне страшно.

Лицо ее начало собираться в плаксивую гримасу, от чего под глазами и даже на щеках появились морщины – Ольга уже не выглядела молодо.

«Вот же навязал мне папик горе, – брезгливо глядя на мачеху, подумал Георгий. – Сейчас снова начнет хныкать и жаловаться».

Во избежание этого, он погладил Ольгу по руке и ласково сказал:

– Не бойся, дорогая, я с тобой.

Она наивно обрадовалась:

– Да? Ты со мной?

Георгий кивнул:

– С тобой. Я твой друг.

– Это хорошо. Очень хорошо, – лихорадочно забормотала Ольга. – Будь рядом. Держись поблизости. Но, Жорик, как мне страшно. Ты не представляешь... Это может произойти в любой момент...

– Да что «это»? – взорвался он.

Ольга беспомощно пожала плечами.

– Сама не знаю, – тяжело вздохнула она, обдав Георгия густым перегарным духом. – Эх, если бы я могла знать! Как мне страшно. Я, может, и глупая, но, Жорик, Жо-орик, – пропела она, – я обладаю, обла-адаю даром предвидения.

«Что она мелет? – удивился он. – Чего боится? Может я не заметил чего?»

И тут же Георгий рассердился, уже на себя: «Блин! И я туда же! Философский вопрос: Что болтает эта нажравшаяся дура? Обычный пьяный треп!»

Он озабоченно взглянул на часы и воскликнул, на этот раз решительно:

– Нам пора.

Ольга схватила его за руку:

– Нет, нет, я еще не все сказала...

– Пойдем, скажешь потом.

– Потом?

– Да, по дороге.

Неожиданно она согласилась:

– Да, пойдем.

Георгий помог ей подняться из кресла, после чего выяснилось, что идти-то Ольга как раз и не может. Она повисла на нем, глупо хихикая и склоняясь к полу. С большим трудом (с помощью бармена и отборного мата) ему удалось вытащить ее на улицу. К его радости там она протрезвела почти мгновенно, сразу же, как только умылась ледяной водой из фонтана.

– Фу-у, думала меня вырвет, – воскликнула она, деловито доставая из косметички зеркальце, пудреницу, салфетки и губную помаду.

В течение десяти минут прямо на глазах у Георгия Ольга посвежела и похорошела.

– Ну вот, я готова, – сказала она, укладывая зеркальце, пудреницу и губную помаду в косметичку, а косметичку обратно в сумочку.

Он подивился:

– Слушай, как тебе удастся так быстро пьянеть и почти мгновенно трезветь?

– Тренироваться чаще надо, молокосос, – с улыбкой превосходства ответила она и шутиливо щелкнула пасынка по носу.

– Ну, теперь уж точно пора, – снова глянув на часы, сказал Георгий и решительно направился в зал ожидания.

Ольга побежала за ним. Брезгливо морщась, она на ходу натолкала полный рот жвачек и, бегло глянув на себя в зеркальную дверь, удовлетворенно произнесла:

– Полный порядок. Вид, как только что с конвейера. Никто не придерется.

– Успокаиваешь себя? – усмехнулся Георгий.

– Нет, колдую, – загадочно ответила она.

Георгий приостановился и изучающе на нее посмотрел.

– А что ты там говорила о какой-то опасности? Кому она угрожает? – задумчиво спросил он.

Ольга пожала плечами.

– Так, чепуха. Просто сон плохой видела, – отмахнулась она.

Они подоспели вовремя. Встречающие уже шумно смешались с прибывшими.

– Я вижу его! Вижу! – громко закричала Ольга и энергично замахала руками. – Павлик! Па-авлик! Мы здесь!

– Прекрати, – сердито толкнул ее в бок Георгий. – Отец не любит этих штучек. Веди себя скромней. Ты привлекаешь к нам внимание.

– Вот еще! – отмахнулась Ольга. – Пусть видит как я радуюсь его возвращению.

– Так пипик скорее увидит сколько ты выпила, – скептически заметил Георгий и с широкой улыбкой решительно направился к высокому грузному мужчине лет шестидесяти, длинная пышная борода которого удачно компенсировала полное отсутствие волос на голове.

Георгий приветствовал его с легким поклоном:

– Здравствуй, отец.

– Здравствуй, Гоша, – сдержанно прозвучало в ответ.

Павел Александрович даже не взглянул на сына, он высматривал жену. Увидев ее, он улыбнулся и озабоченно спросил у Георгия:

– Как вы без меня жили? Как Ольга Петровна?

Понимая, что отца интересует только жена, Георгий опустил первый вопрос и сразу ответил на второй:

– Ольга Петровна молодцом.

Павел Александрович поморщился и принялся сварливо выговаривать сыну:

– Георгий, что за выражение? Что за «молодцом»? Абсолютно непочтительное отношение к моей благоверной. И вообще, – рассердился он, – сколько раз тебе говорить, следи за речью. Перед тобой такой прекрасный пример для подражания: Ольга. Утонченная, образованная женщина, а ты... Олух ты олух... – заключил Павел Александрович, безысходно махнул рукой и широким шагом направился к супруге.

Вот это отповедь. Георгий застыл на месте.

«Слышал бы ты, старый кретин, как выражается этот „пример для подражания“ в твое отсутствие, – с обидой подумал он. – Одни „болваны“, „идиоты“ и „уроды“ у нее на языке».

Но открывать отцу глаза было не только бесполезно, но и опасно. Георгий зло сплюнул, вздохнул и уныло поплелся за Павлом Александровичем.

А он был уже совсем другим человеком: нежным, внимательным, обаятельным, заботливым и терпимым. Строгости и сварливости как не бывало.

– Ангел мой, выглядишь прекрасно, – ласково ворковал он с любимой женой. – Только глазки почему-то у нас красные. Девочку мою обижали?

Ольга молчаливо потупилась.

– А-а, мы соскучились! – радостно догадался Павел Александрович. – Признавайся, ангелочек, скучала без муженька? Скучала?

Ольга отвернулась и, словно бы украдкой, смахнула набежавшую слезу.

– Так надолго меня бросить, – капризно пролепетала она. – Это жестоко, жестоко...

Павел Александрович пришел в восторг. Он сунул Георгию свой кейс, двумя руками обнял жену и расцеловал ее в обе щеки, приговаривая:

– Ангел мой, соскучился ужасно, соскучился, соскучился.

– Я тоже, я тоже, – отвечала она, чмокая пространство губами, распространяя аромат жвачки и источая нежность, как и подобает ангелу.

Вдруг Павел Александрович случайно поймал холодный взгляд сына и рассердился.

– Жорж, ты что столбом стоишь? – строго спросил он, нехотя отстраняясь от жены.

– А что я должен делать? – удивился тот.

– Бери билет и отправляйся за вещами.

Ольга вступилась за пасынка:

– Павлуша, только что объявляли, что вещи начнут выдавать через двадцать минут.

– Мой ты ангел, – мгновенно растаял Павлуша. – Все-то она знает.

Георгий, сообразив, что отец пребывает в хорошем настроении только по отношению к жене, с ужасом ждал момента, когда станет известно, что Ольга пьяна. Конечно же она

снова выйдет сухой из воды: виноват будет только Георгий. Посыпятся раздраженные вопросы: «Почему позволил? Почему не уследил?»

Георгий поспешил предупредить возможный конфликт.

– Кто-то пустил слух, что с вашим самолетом произошла авария, – сообщил он отцу.

– Что ты говоришь? – удивился Павел Александрович, с сочувствием глядя на жену.

– Да-да, – подтвердил Георгий. – Ольга Петровна конечно же запаниковала. Разнервничалась. Ее просто трясло. А в аптечных киосках, как назло, ничего приличного из успокоительного не оказалось. Только настойка пустырника.

– Надо было брать ее, – заранее рассердился на бестолковость сына Павел Александрович.

– Я так и поступил, – успокоил его Георгий, – но что такое настойка пустырника? В ее-то состоянии. Как слону дробина. В общем, еле-еле, с большим трудом уговорил Ольгу Петровну заглотнуть полный флакончик.

Павел Александрович заботливо посмотрел на жену:

– И как?

Ольга одарила пасынка признательным взглядом и брезгливо передернула плечами.

– Брр! Гадость какая! – с гримаской отвращения призналась она. – До сих пор у меня изжога. Павел, твой сын настоящий экзекутор.

Павел Александрович в тайне (даже от себя) ревновал жену к сыну. Теперь он остался доволен, одобряюще похлопал Георгия по плечу и со сдержанной нежностью сказал:

– Молодец, сынок, вижу тебе можно доверить самое дорогое...

Ольга обиженно дернула мужа за руку, стягивая внимание на себя.

– Но, Павлуша, теперь, после такого лечения, вести автомобиль придется тебе. Сам понимаешь, эта гадость – пустырник – на чистом спирте.

– Конечно, ангел мой, – согласился Павел Александрович, целуя жене пальчики.

– Заодно полюбуешься, какое удовольствие путешествовать на этой консервной банке, – капризно надувая губки, сказала Ольга. – Кстати, банка лихо прыгает назад, перед тем как выкатиться вперед. Сегодня мы едва не столкнулись с новеньким «Порше». Какой-то болв...

Ольга запнулась, но тут же нашлась: проглотив ругательство, она продолжила:

– Какой-то болгарин припарковался к нам вплотную. Еле избежала аварии.

Георгий злорадно усмехнулся, когда мачеха едва не «блеснула» своими хваленными безупречными манерами, но Павел Александрович ничего предосудительного не заметил, а лишь ревниво поинтересовался:

– Любовь моя, почему ты решила, что он болгарин? Ты что, с ним разговаривала?

– Нет конечно. Георгий сказал мне, что он болгарин, и я поверила.

Павел Александрович повернулся к сыну. В его глазах были вопрос и подозрение.

«Опять на меня стрелки перевела, сучка,» – уже едва ли не восхищаясь наглостью Ольги подумал Георгий, но ответил отцу без запинки:

– Это было видно по номерам «Порше».

Благодаря мачехе он чрезвычайно развил сообразительность.

Глава 3

На радость Ольге, «опель» словно взбесился: по дороге из аэропорта он прыгал будто кузнечик. Лишь невероятным усилием воли удавалось Павлу Александровичу удержаться от крепких выражений в присутствии его утонченной жены.

– Да, ты права, любовь моя, – констатировал он, въезжая в ворота своего дома и нервно вытирая со лба пот. – Завтра же поедem покупать тебе новый автомобиль. Этот «опель» свое отжил.

Оглянувшись на сына, Павел Александрович добавил:

– Во всяком случае он не для женщины.

– Слава богу! – обрадовалась Ольга, бросаясь на шею мужу. – Я уже знаю, что мне нужно!

Когда дело касалось трат, Павел Александрович становился сдержанным даже с женой.

– Разберемся, разберемся, – сухо пробормотал он, степенно выходя из машины и галантно протягивая Ольге руку.

Выпорхнув из «опеля», она снова повисла у мужа на шее.

– Павлуша! Неужели ты приехал! Как я рада! Как я рада! – закричала она, радуясь лишь предстоящей покупке.

Павел Александрович посмотрел на окна супружеской спальни и почувствовал себя счастливым.

– Загони автомобиль в гараж, – даже не глянув на сына, бросил он Георгию и, нежно подхватив Ольгу под руку, устремился к особняку.

– С завтрашнего дня «опель» твой, – озорно подмигнула пасынку Ольга.

Георгий удовлетворенно улыбнулся.

«Ну что за бестия», – уже дружелюбно подумал он, проводив Ольгу влюбленным взглядом.

Павел Александрович относился к тем людям, о которых в народе принято говорить «крутые» или «новые русские» – он был преуспевающим бизнесменом.

Ему было уже шестьдесят пять, но энергии и жизнелюбию этого человека мог позавидовать и тридцатилетний. Он любил делать деньги и с радостью отдавался этому занятию, но жил гораздо скромней, чем позволяли его доходы, чем очень раздражал свою молодую жену. Впрочем, раздражения своего она старалась не обнаруживать.

Павел Александрович имел роскошную квартиру в центре города, но жить там не захотел. В смутное время всеобщей неразберихи он купил на окраине города гектар земли. Его прельстил ландшафт этого места, – высокий холм, плавно спускающийся к вьющейся серпантином дороге. Дорога словно бы обнимала холм, опоясывала его асфальтовой лентой. Со стороны холм напоминал полную женскую шею, украшенную изящным ожерельем шоссе.

Павел Александрович не стал обносить свой участок традиционно-русским высоким забором, а ограничился низкой (на европейский лад) оградой, вдоль которой зеленели пушистые столбики кипарисов.

Добротный, без всяких новомодных изысков, трехэтажный особняк стоял на вершине холма. Площадка перед домом была окружена вечнозелеными самшитами. От этой широкой просторной площадки к калитке сбегала довольно крутая лестница, что было не удобно обитателям дома.

С дороги особняк был открыт любопытному глазу, лысоватая растительность его не затеняла. Лучи солнца даже в зимнее время радужно отражались в огромных зеркальных стеклах.

Лишь огромная поляна была хороша: там зеленела молодая весенняя травка, да местами (в тщательно распланированном беспорядке) пробивались нарциссы, тюльпаны, крокусы и другие первенцы просыпающейся от зимней спячки природы.

Зато за домом был настоящий сад-парк. Чего там только не было...

Павел Александрович – большой любитель ботаники – несмотря на свою чрезвычайную скупость, щедро платил садовнику. Голубые ели соседствовали там с пихтами и лиственницами. Китайский лимонник устремлялся вверх по юным сосенкам. Кавказский плющ удивительным образом прижился в сухом климате и заплел стволы яблонь, слив и вишен. Калина весной радовала глаз белыми соцветиями, а зимой красными гроздьями...

Впрочем, Ольга Петровна не была в восторге ни от дома, ни от сада, ни от их местонахождения. Сад был молодой и, вопреки стараниям садовника, не спешил разрастаться. В летнее время дом, со всех сторон открытый не только любопытному взору, но и безжалостно палящему солнцу, нагревался так сильно, что не спасали от жары даже многочисленные кондиционеры. Осенью и зимой досаждали ветра. А лестница к калитке была не только крута, но и длинна, что вынуждало Ольгу Петровну, поднимаясь по ней, всякий раз ругать покойницу-жену Павла Александровича, которая позволила мужу увлечься «эффектами» за счет «удобств».

Павел Александрович и сам уже (с каждым годом все больше и больше) ощущал промах в планировке.

– Ничего, Оленька, – успокаивал он жену. – Перенесем гараж к дому и проложим к нему дорогу. Будешь подъезжать к самому подъезду.

– Интересно, а как ты будешь выезжать или въезжать зимой, особенно в гололед? – язвила Ольга. – Будешь греть километры асфальта? Тогда давай уже лучше обзаведемся вертолетом. Впрочем, это были одни лишь разговоры, которые длились уже три года.

Вот и сейчас, отсчитывая ступени, Ольга ругалась про себя весьма изобретательно, жалея только о том, что не может похвастаться этим талантом перед супругом. Она была страшно зла, все ее раздражало, особенно необходимость быть ласковой и счастливой. А тут еще муж беззастенчиво повис на ней под видом нежности, а она и сама уже не так молода, чтобы перетянуть на себе его старую тушу. А впереди еще предстояла пытка любовью...

«Эх, мало я выпила, – уже сожалела она. – Все противный Жорик. Ничего, доберу за обедом, подобью моего старичка на шампанское и незаметно плесну в свой бокал коньячку», – в конце концов успокоила она себя.

Ольга испытывала глубокое отвращение к мужу, скрывать которое становилось все трудней и трудней. Время от времени приходилось себя подогреть, иначе... – крах!

«Как тут не понять бедных актеров? – внутренне рассуждала она, с трудом представляя как ляжет с Павлом Александровичем на супружеское ложе. – Нет, я неплохая артистка. А с такой профессией нетрудно и спиться: не каждый же день само собой приходит вдохновение».

Больше всего ее мучил тяжелый запах, исходивший от тела мужа. Ольга ненавидела этот запах, она была чрезвычайно брезглива и с трудом перебарывала рвотный рефлекс. Иногда ей это не удавалось, и тогда она долго кашляла, скрывая свои позывы. Муж наивно полагал, что у нее хронический бронхит.

Вспомнив все это, Ольга окончательно решила: «Напьюсь, чего бы мне это ни стоило».

И муж, и пасынок считали, что она склонна к алкоголизму, но это было не так. В отсутствие мужа Ольга не притрагивалась к спиртному, так как в этом не было необходимости. Она пила чтобы забыться, пила до полного бесчувствия. Она была любима, но несчастна.

А Павел Александрович был счастлив и пребывал в иллюзии, что его нежные чувства к жене полны взаимности. Он любил Ольгу за умение держаться, за шик, впитанный с молоком матери, которая была французской актрисой, дочерью русской графини, эмигрировавшей

после революции. Если сказать проще, он любил Ольгу за то, что она, так говорили в его кругу, дорого и престижно смотрелась.

Они познакомились пять лет назад в Париже. Павел Александрович тогда привез во Францию на лечение свою тяжело больную жену. Ольга только что похоронила мать и работала сиделкой как раз в той клинике на чью помощь так рассчитывала жена Павла Александровича.

Все годы эмиграции семья Ольги испытывала материальные затруднения. Родители ее так и не сумели прижиться во Франции, хотя на Родине своей никогда не были. Видимо сказалось воспитание. В семье говорили только по-русски, соблюдали все русские обычаи и даже кухня была традиционно русской. Содержала семью в основном мать Ольги на свой скудный заработок актрисы.

Отец получил университетское образование, но его неуживчивый характер не позволил сделать карьеру. Даже удержаться на одном месте больше года он не мог. Ольга подозревала, что таким образом отец просто уваливает от работы. И не ошибалась. Он был патологически ленив.

Мать боготворила Ольгу. Не имея средств на няньку, бедная женщина вынуждена была брать дочку с собой на гастроли. Девочка выросла в театре и с трех лет так потешно обезьяничала перед зеркалом, что все сходились во мнении, – это будущая знаменитость.

Однако Ольга не оправдала надежд. Она оказалась абсолютно бездарна и к тому же унаследовала вздорный ленивый характер отца.

Не надеясь на разум дочери, мать решила сама отыскать ей мужа. Безапелляционно ограничивая запросы, она поставила всего два условия, которые, впрочем, легко сходились в одно: будущий муж должен быть богат и влиятелен – что, конечно же, одно и то же. Определившись, бедная женщина призвала на помощь всех друзей и поклонников своего таланта, и очень скоро нашелся претендент – пожилой депутат. Его среди своих покровителей отыскала Лили – прима труппы, подруга матери Ольги. Депутат был в меру некрасив и безмерно богат. Мать решила, что, похоже, теперь спокойно умрет, не опасаясь за будущее беспомощной дочери. Однако дочь от таких забот в восторг не пришла, заявив, что жених стар и уродлив.

– Деточка моя, – вздохнула мать, – ты еще должна убедить его, что он хочет на тебе жениться. Поверь, это нелегко, о нем мечтают многие невесты Парижа. Он миллионер.

– Миллионер? – изумилась Ольга, мгновенно меняя мнение.

– Да, – подтвердила мать. – И говорю тебе, беднягу преследуют толпы невест.

– Ах они сучки! – возмутилась юная Ольга. – Посягают на мое добро? Ну уж нет, не волнуйся, мамочка, при первом же знакомстве я сведу его с ума.

Именно так и получилось. Депутат едва не тронулся умом, ввязавшись в эту авантюру. Вдохновленный рассказами примы-Лили, он был непрочь посмотреть на милую, грациозную и скромную крошку, в жилах которой течет здоровая русская кровь. Депутат и сам был немного русским, а потому решил, что бедная, но превосходно воспитанная Ольга, так расхваленная его старой подругой, возможно ему подойдет.

– Так, говоришь, она красива? – уточнил он.

– Божественно! – восторженно прижимая руки к груди, воскликнула прима.

– И молода?

– Юная, еще совсем ребенок!

– И образованна?

– И талантлива к тому же, увидишь сам.

– С манерами?

– Как у принцессы крови.

– И при всем при этом скромна? – не веря своим ушам, изумился депутат.

– И скромна, и как серна пуглива, – с гордостью засвидетельствовала Лили.

– И зовут ее Ольга?

– Согласись, изысканно красивое имя.

– Да я почти влюблен! – воскликнул депутат и устремился в нищие кварталы, которые и по сию пору могут похвастаться только тем, что по ним хаживали пьяные Марат с Робеспьером.

«Вот среди какого густого навоза расцвела моя душистая роза», – умильно складывал рифмы депутат, вбегая в обшарпанный подъезд.

Подъезд был без консьержки, но с оторванной дверью и выбитыми стеклами.

Заблаговременно предупрежденная Ольга (скромно причесанная и в невзрачное серое платье одетая) с трепетом поджидала своего старого депутата в девятой квартире, но, увы, он до нее не дошел. И виной тому не подагра. Дело в том, что в этом же подъезде этажом ниже в шестой квартире жила пожилая проститутка, которую тоже звали Ольгой. Точнее, очарованная экзотическим русским именем юной прелестницы-соседки, проститутка сама так себя назвала – всем известно как тянутся шлюхи к прекрасному.

Так вот, накануне у проститутки был шумный конфликт с немолодым клиентом, не пожелавшим достойно платить за ее опыт. Клиент аргументировал отказ тем, что в его возрасте гораздо больше ценится свежесть. Со скандалом провозжая «импотента и нахала», проститутка хлопнула дверью так, что пластмассовая шестерка (номер ее квартиры), слетев с гвоздика, превратилась в девятку. Эта девятка поломала жизнь нашей Ольги и спасла депутата. Она сбила его с толку, он перепутал этаж и вошел не в ту дверь.

Трудно передать состояние депутата, когда в ответ на его звонок на пороге выросла дебилая дама в стоптанных шлепанцах и красном вульгарном халате. Из халата буквально выпадала пышная грудь, напоминающая скорей коровье вымя, чем девичьи перси, о которых с упоением твердила Лили.

Депутат растерялся.

– Простите, – пролепетал он, – мне нужна Ольга.

– Разве не видишь, болван, что это я, – пропитым и прокуренным басом раздалось ему в ответ.

«Но она совсем не дитя», – подумал депутат и ноги у него подкосились.

Надо было срочно что-то предпринимать, но, перед тем как что-то предпринять, депутат (попривычке) должен был хорошенько со всеми посоветоваться и немного подумать. Однако времени на раздумья ему не оставили: события развивались архистремительно.

– Ты почему так рано приперся, козел? – ставя громадные кулачища на монументальные бока, грозно поинтересовалась дама.

«Да она совсем и не стройна, зато безвкусна», – потерянно отметил депутат, с ужасом глядя на красный халат и стоптанные тапочки проститутки.

– Я вовремя, я не рано, – испуганно пятась, промямлил он, собираясь извиниться и быстро уйти, но дама схватила беднягу за грудки и решительно втащила в квартиру.

Поскольку силы были очевидно неравны, оказать сопротивление депутат (попривычке) не решился и отдался на волю Бога. Тем временем дама повела себя возмутительно: она пышным своим бедром прижала депутата к стене и прошипела:

– Не вздумай выкинуть фортель, сморчок.

«О чем идет речь?» – мысленно ужаснулся депутат, теряясь в догадках и дерзко ругая приму-Лили.

Одновременно с этим он поглядывал на дверь. С тоской, разумеется.

– Так что? Не выкинешь? – яростно спросила дама.

Депутат pokrылся испариной и (попривычке) решил быть покорным.

– Не выкину, – заверил он.

Дама отпрянула, но предупредила:

– Знай, если я согласилась, это еще не значит ничего. В полиции нравов я со всеми дружна, и все, как один, взяточники. Будешь много с меня требовать, будешь как липку меня обдирать, я сама с тобой разберусь, как с прежним своим «пастухом».

И дама показала кулак, огромный красный кулак, после чего страдальчески закатила глаза, старательно перекрестилась и смиренно обратилась к Христу и его святой семье:

– Дай ему, мой добрый Иисус, хорошей шлюхи и в Царстве Небесном. Надеюсь, и Дева Мария позаботится о нем, грешном, да не останется в стороне и ее муж – святой Иосиф, ведь «пастух» мой, хоть был и дурак, но все же не худший из покойников.

– Так ваш пастух умер? – прозрел депутат.

– Да! И не сам! – с гордостью завершила дама и, зверея, пояснила: – А все потому, что обирал меня злодей!

Депутат задрожал и взмолился:

– Мадемуазель, не понимаю о чем идет разговор, я вовсе не хотел вас обирать! Напротив, имел даже в планах жениться!

Несмотря на то, что в голосе его было очень мало уверенности, проститутка опешила. Она вытаращила глаза и долго-долго смотрела на плешь депутата, после чего с презрением осведомилась:

– Не объелся ли ты белены, старый козел? Ишь о чем размышлялся! Что бы я, первая в квартале шлюха, вышла замуж за тебя? Нет уж, дудки! Лучше я кому-нибудь бесплатно дам!

И снова принимая смиренный вид, она добавила:

– Надеюсь, за это Господь меня не покарает.

«Что-то там Лили говорила про скромность, образованность и манеры», – сползая по стенке, сомнамбулически припоминал депутат.

Однако дама упасть ему не дала. Она схватила беднягу за шкуру и закричала:

– Придурок, не вздумай валять дурака. Если я в кого вцеплюсь, то это намертво. И если этот выскочка Шаброн думает, что из своего вонючего Шоле он перетащит в Париж всех сутенеров и навяжет их местным шлюхам, то заблуждается сосунок, так ему и передай. Не такой он большой чин, чтобы командовать мною. Подожди, и на него управа найдется. В той же полиции нравов есть желающие за меня заступиться, и чины у них покрупнее. И все были молоды и под всеми я побывала, – мечтательно вздохнула проститутка и тут же грозно рывкнула: – Недоносок, ты понял?

– Понял, – ничего не понимая, промямлил депутат.

– Тогда больше десяти процентов от меня не жди, – заявила она и противно заржала.

«Да у нее же не все зубы», – ужаснулся депутат и тут его осенило, что эта Ольга и сама не та и его за кого-то не того принимает. Он хаотично попытался внести ясность, чем привел проститутку в бешенство. Не известно чем дело кончилось бы, не раздайся стук в ее дверь. Когда на пороге вырос наглый тип в полосатом костюме и красных носках, все выяснилось и его отпустили, но депутат не пошел к настоящей Ольге.

Нет, он не сильно расстроился тем, что его, депутата, приняли за сутенера – журналисты уже давно поставили тождество между этими общественными профессиями. Нет, он не обиделся, но, претерпев унижение и страх, депутат сник, утратил энтузиазм и передумал жениться.

Мать и Ольга всплакнули, да и успокоилась. Потом были и другие женихи, да все не то. В конце концов девушка вышла замуж за художника и, поставив крест на карьере актрисы, всеми помыслами устремилась в живопись. Многочисленные поклонники без труда убедили Ольгу в том, что она талант. Этому мнения она и придерживалась до сих пор, а потому усердно пачкала масляными красками один холст за другим.

Поскольку слава не спешила посещать ни Ольгу, ни ее мужа, они пребывали в нищете. Наконец Ольга не выдержала «затяжного творческого кризиса», бросила художника и вышла замуж за дантиста.

Он был обеспечен, безумно ее любил, но его французский меркантилизм не ужился с русским расточительством Ольги. После нескольких ухарски безрассудных трат супруги, чувства дантиста резко охладели. Ольга не стала дожидаться бракоразводного процесса, и, прихватив из дома то, что посчитала наиболее ценным, сбежала с любовником ирландцем.

Вскоре дантист то ли с горя, то ли от воспаления легких, умер, завещав все до последнего гроша сыну от первого брака.

Поскитавшись по Европе, блудная дочь вернулась в лоно семьи. Без мужа, без средств к существованию и даже без какой-либо специальности и уж точно без каких либо талантов, она, как и ее отец, полностью положила на трудолюбие матери.

Когда умер отец, Ольга вздохнула с облегчением. Она не только вырвалась из-под пресса его тяжелого характера, но к тому же смогла пользоваться той частью заработка матери, которая уходила на содержание отца.

Относительное благоденствие длилась недолго. Вскоре мать тяжело заболела, и Ольге пришлось совсем несладко. Не имея средств на сиделку, она сама ухаживала за матерью, преуспев в этом занятии настолько, что ее услугами захотел воспользоваться богатый умирающий одинокий мужчина.

Ольга пустила в ход все свое очарование, и хотя ей неплохо заплатили, но наследство досталось какой-то дальней родственнице неблагодарного мсье. Заработанных денег едва хватило, чтобы достойно похоронить мать. Ольга была в отчаянии.

В таком состоянии и застал ее Павел Александрович. Он сильно удивился, неожиданно услышав от молодой красивой француженки прекрасную русскую речь, украшенную легким акцентом.

Ольга наповал сразила его полной романтизма легендой о печальной участи, постигшей на чужбине их графскую семью. Старик даже прослезился и тут же средства, предназначавшиеся на лечение жены, направил на спасение прекрасной художницы-графини.

Подобное «меценатство» не могло не сказаться самым пагубным образом на состоянии больной. Несчастная окончательно слегла, но умирать не спешила.

Ольга была очарована невероятной щедростью русского поклонника. «Художница-аристократка» вцепилась в предпринимателя-плебея мертвой хваткой, впервые проявив истинный актерский талант. Беззастенчиво изображая чуждые ей изысканные манеры, она также беззастенчиво изобразила и чуждую ей пылкую страсть.

Роман длился два года, (ровно столько прожила жена Павла Александровича) после чего русский «меценат» с радостью предложил Ольге и руку, и кошелек, и сердце. Ольга согласилась, с восторгом приняла кошелек, совершенно не зная что делать с рукой и сердцем.

Соглашаясь поехать в Россию, она еще не знала на что решилась. Россия оглушила ее невыносимой скукой и повсеместной нищетой. Первое время Ольга порывалась вернуться во Францию, но вскоре постигла преимущества нового образа жизни. Здесь она (особенными стараниями мужа) была первой дамой (пусть и в определенных кругах), а во Франции...

Со временем то ли гены в Ольге заговорили, то ли, как и многие иноземцы, она подпала под необъяснимые чары России. Ольга по-настоящему полюбила и эту страну, и этот народ. Она быстро влилась в их жизнь и чувствовала себя здесь, как рыба в воде. Какая там Франция...

Глава 4

– Ангел мой, ты даже представить себе не можешь как я соскучился! – страстно воскликнул Павел Александрович едва за ними закрылась дверь.

Его руки предприимчиво и шаловливо «забегали» по телу супруги, но та, с трудом скрывая омерзение, отпрянула.

– Дорогой, осторожно, сейчас войдет Георгий, – нежно, но твердо произнесла она.

– Как? Разве Гоша не отправится к себе? – поразился Павел Александрович.

– Я пригласила его с нами пообедать.

– Зачем?

– Ну, милый, ты совсем потерял голову, – нежно попеняла Ольга мужу. – Разве так можно? Вы все же не виделись две недели, он тебя встретил...

– Он мой сын, – напомнил Павел Александрович. – Встретил и встретил – выполнил свой долг.

Ольга не во всем согласилась. Порой она старалась быть справедливой.

– Вот именно, дорогой. Жорж твой сын, а получается, что ты использовал его в качестве носильщика и водителя. «Загони машину в гараж и отправляйся к себе.» Это некрасиво.

Павел Александрович удивился.

– Странно, ты его защищаешь? – спросил он.

– Как видишь.

– Ты, которая открыла мне глаза на все его недостатки? К тому же Гоша не скрывает неприязни к тебе. Нет, я не перестаю удивляться благородству своей жены. Он относится к тебе с гораздо меньшим вниманием, чем к нашему коту Барсику, а ты проявляешь о нем трогательную заботу.

Ольга равнодушно повела плечом.

– Не переоценивай моего благородства. Марина готовит праздничный обед.

Марина, хорошенькая двадцатилетняя девушка, уже два года работала в их семье домработницей, и Ольга, подружившись с ней, переняла все ее «босаяцкие», как говаривал Павел Александрович, манеры.

Впрочем, сам Павел Александрович, сурово осуждая Марину, даже не догадывался с каким успехом овладела ее жаргоном Ольга. Он терпел эту «нахальную девчонку» только ради жены, видя как привязался «его восхитительный ангел» к домработнице и как оживает этот «ангел» в присутствии Марины.

Услышав о Марине, Павел Александрович и вовсе переменялся в лице.

– Марина?!! – закричал он. – Ты не отправила ее? Я-то думал что мы в доме одни.

Он был очень, очень разочарован. Ольга усмехнулась:

– Дорогой, ты настоящий сумасброд. Я требую соблюдения декораума. Кстати, не пора ли подумать об охране? Ты слишком часто оставляешь меня одну. Я боюсь.

– Но у нас же новейшая сигнализация.

Она отмахнулась:

– Ах, это ненадежно. Дом слишком огромный. Мне так и кажется, что кто-то бродит по этажам.

Павел Александрович особых богатств в доме не хранил, а потому тратиться на охрану был не намерен. Он поспешил перевести страхи жены в шутку:

– Кроме привидений бродить здесь некому. Столько лет жили и проблем не было, да и как посторонний человек сюда проникнет? Ангел мой, уверяю, это привидения.

Ольга рассердилась:

– Ты шутишь, а я серьезно. Когда ты уезжаешь, дом по ночам наполняется различными звуками. Я с ужасом прислушиваюсь и без снотворного не могу заснуть. Мне было бы спокойней, если бы в доме жил здоровый сильный мужчина.

– Тогда спокойствия лишился бы я, – усмехнулся Павел Александрович, пытаясь прижать Ольгу к себе, но она выскользнула и топнула ногой.

– Как не стыдно! Павлуша! Не теряй головы. Жорж может войти в любой момент.

– Я соскучился, ангел. В твоём присутствии я действительно теряю голову и чувствую себя настоящим мальчишкой. А Гоша здесь лишний.

Павел Александрович вновь устремился к жене. Он обхватил ее за талию, шаловливо скользнув рукой в низ живота.

– И тем ни менее, дорогой, Марина готовит обед, и просто неудобно, если Георгия не окажется за столом, – стыдливо отстраняясь, поспешно произнесла Ольга. – Кстати, твой сын даже не завтракал, так торопился встретить тебя.

Павел Александрович шутливо поднял вверх руки и пробасил:

– Сдаюсь, сдаюсь. Устыдила. Устыдила и уговорила. Приличия никогда не были моим сильным местом. Как говаривала покойница-жена, я-то уехал из деревни, а вот деревня осталась во мне навсегда.

– Вот и слушайся меня, – усмехнулась Ольга, направляясь в гардеробную.

Павел Александрович насторожился:

– Куда ты?

– Пойду переоденусь к обеду.

Ольга надеялась, что муж в ожидании обеда отправится в свой кабинет и займется изучением корреспонденции, скопившейся в его отсутствие, или, что еще лучше, пойдет «гулять» по Интернету. В таких случаях он обычно так увлекался, что забывал про все на свете.

Но в этот раз Ольге не повезло: Павел Александрович увязался за ней в гардеробную.

– Какие на тебе пикантные чулочки, – с восхищением воскликнул он, едва жена сбросила с себя плащ.

«Черт! – испугалась Ольга. – Какая я дура! Влипла!»

Ее самые плохие предчувствия тут же и оправдались. Павел Александрович, окончательно распалившись, одной рукой уже закрывал дверь на ключ, а другой расстегивал ширинку.

– Дорогой, что ты делаешь? – закричала она. – Это же неприлично, Георгий, верно, уже в холле!

Но напрасно Ольга пыталась усовестить супруга, он, трепеща и сгорая от нетерпения, уже стягивал с нее трусики.

– Не волнуйся, ангел мой, я дико соскучился, это будет быстро, экспромтом, – страстно шептал он, прижимая жену к зеркальному шкафу.

Она с отвращением увидела его, искаженное вождением лицо.

Ольга очень хотела получить новый автомобиль. Она уже присмотрела «скромненький» «Ягуарчик» и потому не осмелилась отказать супругу. Призвав на помощь все свое мужество, она героически и умело изображала где надо эротическую истому, а где надо и жгучий оргазм.

Экзекуция действительно продлилась недолго. Через минуту Павел Александрович захрипел, забился в конвульсиях, и закатил глаза.

«Так даже лучше, – подумала Ольга, – теперь он надолго оставит меня в покое. После обеда отяжелеет и, даст бог, заснет. Или отправится в кабинет работать».

Павел Александрович был собой доволен.

– Прости, ангел, – сказал он тоном победителя.

– Не стоит извиняться, – бросила Ольга, открывая дверцу шкафа с намерением выбрать костюм к обеду.

Но Павлу Александровичу хотелось извиняться; он чувствовал себя героем и явно напрашивался на комплимент.

– Это от того, – пояснил он, – что я чрезмерно тебя люблю. Прости, никак не мог сдержаться. Слишком соскучился. Признаюсь, что поступил плохо, но после обеда обещаю восстановить справедливость.

– Ничуть не сомневаюсь, – ответила Ольга, вытаскивая сиреневую брючную тройку и деловито прикладывая ее к себе прямо с вешалкой.

Павел Александрович с испугом взглянул на жену и спросил:

– Ты обиделась?

– Нет-нет, дорогой.

– Я же вижу, что обиделась. Любящее сердце трудно обмануть.

Ольга вернула тройку в шкаф и достала английский костюм.

– Ну что ты, дорогой, – воскликнула она, мысленно констатируя, что юбка немного помята, а пиджак подойдет. – Я вовсе не обиделась. Напротив я рада, что получила лишнее подтверждение твоей любви. Просто у меня болит голова.

Павел Александрович расстроился:

– Что же ты не сказала раньше?

«А что бы это изменило? Разве тебе когда-нибудь было интересно что чувствую я?» – зло подумала Ольга, но, подарив улыбку мужу, промолчала, лишь виновато пожав плечами.

Остановив свой выбор на английском костюме, она отправилась за ширму переодеваться к обеду.

Все это время Павел Александрович объяснялся жене в любви и рассказывал ей как соскучился, однако Ольгу этим невозможно было обмануть. Ей давно было очевидно, что при всех своих чувствах Павел Александрович уже потухший вулкан. Он относился к жене как к вещи. Красивой, дорогой, престижной и одновременно полезной, вещи универсальной, которой можно и попользоваться для своего удовольствия и шикануть в кругу друзей.

Знала Ольга и то, что для мужа она на втором месте. На первом – работа, на третьем – его коллекция старинных автомобилей.

Ольга чувствовала, что не за горами тот день, когда коллекция займет ее место, и жена для Павла Александровича отойдет на третий план. Ей все дольше и дольше приходилось трудиться в супружеской постели, чтобы привести «своего ненаглядного пупсика» в боевую форму.

Эти грустные мысли не покидали ее, и день и ночь она носила их с собой. Вот и сейчас, слушая мужа, Ольга подумала: «Все врет. Как он мне надоел! Почему торчит здесь? Почему не идет к своему компьютеру?»

В конце концов она не выдержала и спросила:

– Павлуша, ты не забыл про свои дела?

Он удивился:

– Я тебе мешаю?

– Нет-нет, – спохватилась Ольга, – просто купила новый костюм и хотела сделать тебе сюрприз.

Костюм был далеко не новый, но она совсем не рисковала: Павел Александрович никогда не мог запомнить нарядов жены, чем Ольга и пользовалась. При всей своей жадности Павлу Александровичу за одни и те же вещи приходилось платить неоднократно, невольно пополняя счета жены.

– Хорошо, мой ангел, – сказал он, – я пойду к себе в кабинет. Кликнешь меня, когда будешь готова.

– Непременно, дорогой.

Глава 5

Когда Павел Александрович вошел в свой кабинет, он увидел возмутительную (с его точки зрения) картину: Георгий расположился в его кресле перед его же компьютером и... с удовольствием изучал эротический сайт tetki.ru. Грудастые и задастые тетки призывно взирали с широкого экрана монитора, забавляя, маня, возбуждая и черт знает что еще. Павел Александрович остолбенел от такого пассажа, но очень быстро оправился и грозно спросил:

– Эт-то что такое?

Георгий испуганно вздрогнул и поспешно начал закрывать непристойный файл, но не тут-то было: «тетки» исчезать с экрана не захотели, они «передали» незадачливого пользователя еще более откровенным «соседкам». Когда Георгий панически попытался закрыть «соседа», те коварно переброшили его на «гей-клуб». Этот сайт развернулся такой убойной порнухой, что Георгия прошиб пот.

«Вирус! – обреченно подумал он. – Влип по самые уши! Папик меня теперь грохнет!»

Оставалось одно: переходить на безобидных «теток», поскольку зараженная вирусом программа больше никуда не позволила бы перейти. Даже если покинуть Интернет, «тетки» не исчезнут, они будут назойливо предлагать себя, какую ни дай команду. Георгий вернулся к «теткам».

Павел Александрович, тем временем, пришел в бешенство. На экране его монитора один за другим раскрываются непристойные сайты, а его сынок, этот дуралей, этот молокосос, и в ус не дует, и ухом не ведет, и не чешется, и не черт знает что еще! Спокойненько продолжает любоваться на голых баб прямо в присутствии родного отца. Видела бы его покойница-мать...

«Совсем обнаглел! – заключил Павел Александрович. – Уже и в грош меня не ставит!»

Набрав в легкие побольше воздуха он грозно проревел:

– Пошел вон, скотина!

Отчаявшийся избавиться от вероломных «теток» Георгий был даже рад идти вон. Это лучше, чем слушать оскорбления отца. Георгий окончательно понял, что «заразил» программу «вирусом», что теперь для него в Интернете будут только «тетки», «соседки» и прочее во веки веков, до тех пор, пока не переустановят программу. Вирус был новый, ему неизвестный, поэтому Георгий не знал, как его появление отразится на рабочих файлах отца – что было уже опасно. Вжав голову в плечи Георгий, как его и просили, вылетел из кабинета вон...

Как только дверь за сыном закрылась, Павел Александрович воровато покосился на стену, за которой переодевалась жена, и (естественно) бросился к монитору и, конечно же, не для того, чтобы избавиться от «теток». Теперь уже его устраивали все: и «тетки», и «соседки» и даже вершина разнузданности – «гей-клуб».

«Гей-клуб» ему понравился особенно: на этом сайте он и остановился, собираясь поподробней его изучить. За этим делом его и застала одетая в английский костюм жена, зловредно направленная Георгием в кабинет Павла Александровича. Когда Ольга без стука вошла в дверь, она увидела на экране монитора жуткую штуку: пятеро негров самым омерзительным способом раскладывали шуплую блондинку.

Ольга усмехнулась и, делая вид, что не замечает утех мужа, вежливо поинтересовалась:

– Дорогой, ты скоро?

Павел Александрович, пронзенный голосом жены словно электрическим током, подпрыгнул в кресле и панически бросился избавляться от негров.

– Да-да, я сейчас, – бормотал он, хаотично пытаясь выйти из Интернета и зайти в свой «рабочий стол».

Но не тут-то было: негры уходить не желали. Они доделали свое грязное дело с блондинкой и насильственно отправили Павла Александровича к уже известным «теткам». Те бес-

стыдно вывалили свои неестественные груди и принялись слепить благочинного старика распутными улыбками. Прямо в присутствии его молодой жены. Бедного Павла Александровича едва не хватил апоплексический удар.

Впрочем, Ольга конца развязки дожидаться не стала. Она вернулась в столовую. Там скучал Георгий, точнее, совсем не скучал. Прекрасно зная какая сцена разыгрывается в кабинете, он корчился от смеха, но, увидев мачеху, напустил на себя серьезность и недовольно спросил:

– Долго вы будете морить меня голодом?

– Отец сейчас придет, – успокоила его Ольга и крикнула домработнице: – Марина, накрывай на стол.

– Уже накрыла, – сердито с кухни отозвалась та.

Ольга долго смотрела в окно: на участке садовник подстригал кусты. Она не видела его, удрученно думая о своем. Ей хотелось поскорей сесть за стол и выпить, выпить наконец армянского коньяку. Но Павел Александрович все не шел.

Ольга вздохнула, прилегла на диван и развернула модный журнал; Георгий деловито посмотрел на часы. Он ни на секунду не забывал о «вирусе» и мучительно искал предлог скрыться подальше от праведного гнева отца.

– Наверное, мне пора, – сказал он.

Ольга испугалась. Ей совсем не хотелось оставаться с мужем наедине.

– Нет-нет, – вскакивая с дивана, воскликнула она, – сейчас я его потороплю.

Она решительно пересекла холл, поднялась на второй этаж, направилась в кабинет мужа, распахнула дверь...

Павел Александрович прел над большегрудыми «соседками», которым был уже совсем не рад. Он безуспешно, но всеми силами пытался зайти на свой «рабочий стол». Услышав голос жены, он испугался и опять отчаянно захотел выйти из Интернета к чертовой матери, но... как бы не так: «соседки» отфутболили его к «лесбиянкам».

Увидев на экране монитора голых дамочек, вооруженных пластиковыми членами, Ольга рассердилась.

«Мы там умираем с голоду, а этому старому ононисту развлекаться приспичило», – подумала она, но, сдержавшись, вежливо поинтересовалась:

– Дорогой, ты скоро? Я голодна.

– Да-да, ангел мой, я иду, уже иду, – замельтешил Павел Александрович, старательно прикрывая собою экран.

– Но чем ты там занимаешься? – сдержанно поинтересовалась Ольга.

– Работаю, дорогая, появилась срочная работа. Очень меня обяжешь, если кликнешь сюда Гошу.

– Гошу?!

– Да-да, на одну секунду, и сразу идем обедать.

Ольга вздохнула:

– Хорошо, позову.

Она вернулась в холл, с журналом улеглась на диван и лишь тогда обратилась к пасынку:

– Жорж, отец просит тебя подняться в кабинет.

Георгий скривился, словно вкусил лимона, но пошел.

– Что за дрянь ты мне тут оставил? – набросился на него Павел Александрович, совершенно забыв, что совсем недавно этой дрянью любовался с невыразимым удовольствием. – Всех этих «соседок», «лесбиянок» и «теток» можно как-нибудь убрать?

Георгий отца обнадежил:

– Попробую.

Ему совсем не улыбалось рассказывать про «вирус», тем более, что еще не известно как этот «вирус» похозяйничал в компьютере.

Тем временем Ольга листала журнал, но из головы не шли тетки, к которым Павел Александрович отправился прямо от нее. Ольге было обидно. Более того, она посчитала, что это опасно.

«Совсем сдурел, старый козел, – подумала она. – Точно говорят: седина в бороду, бес в ребро. Эдак он на панель скоро отправится. А если там найдется цыпочка, желающая меня потеснить? Уверена, там таких немало. Нет, это надо прекратить!»

Масла в огонь добавила Марина.

– Я уже на стол подала-ааа, – сердито сообщила она. – Все остывает-еет.

Ольга вскочила с дивана и устремилась в кабинет мужа. «Эта вонючая козлина, – поднимаясь по ступеням, гневно думала она, – две недели прохлаждалась в Париже, а я прозябала в этой дыре! Теперь он смотрит на лесбиянок, а я погибаю от голода!»

У порога кабинета Ольга остановилась, взяла себя в руки и с маской любезности открыла дверь. С трудом давшееся спокойствие как рукой сняло: теперь перед голыми тетками сидели двое: отец и сын.

«Они что, надо мной издеваются?» – подумала Ольга и закричала:

– Ха! Куда вы упялились? Павел! Я две недели тебя ждала! Жорж, ты куда-то опаздывал! Сейчас же уберите эту порнографию!

Мужчины вскочили и начала оправдываться. Особенно старался Павел Александрович, которому мучительно была даже мысль, что жена заподозрит его в безнравственности. Он старательно ей объяснял, что сам возмущен не меньше.

– Так почему же ты смотришь на это? – резонно поинтересовалась Ольга.

– Да потому, что это невозможно убрать! – горестно сообщил тот.

Мысль его выразительно подтвердил Георгий.

– Ах вот как! Да вы просто не хотите! Тогда это сделаю я! – заявила Ольга и возмущенно присела к компьютеру.

Зверски орудуя мышью, она попыталась избавиться от «теток», но они бессовестно перебросили ее в школу секса, а потом и к «дядькам», на брачный рынок. Количество мужской плоти, предлагающей себя во всех вариантах, Ольгу впечатлило. Забыв про пасынка и даже про мужа, она пошла гулять по страницам.

Павел Александрович воспрял.

– Вот видишь, дорогая, у тебя тоже не получается, – из-за спины Ольги, сказал он.

– По-моему она и не старалась, – ядовито заметил Георгий.

Он был прав, Ольга надолго расположилась, забыв про обед и даже коньяк. Но как бы не так, конец «теткам» положила Марина: разъяренная она ворвалась в кабинет и завопила:

– Господа хорошие! Или вы садитесь за стол, или я отбываю.

– Мы садимся за стол, – успокоила ее Ольга, нехотя покидая «дядек».

Глава 6

Обед не остыл, не успел, он был обилен и превосходен, но с аппетитом ел лишь Павел Александрович. Георгий с унылым видом ковырял вилкой в тарелке, Ольга же и вовсе почти не прикоснулась к еде. Отвлекая мужа разговорами, она старалась посильней подзаправиться коньяком.

– Как прошел вояж, дорогой? – щебетала она. – Надеюсь, удачно?

Павел Александрович часто бывал во Франции по делам бизнеса.

– О, просто чудесно, – охотно откликнулся он, запивая крабов в уксусе любимым вишневым компотом.

Ольга поморщилась, наблюдая это странное, на ее вкус даже ужасное зрелище.

– Передал от меня привет Вальтеру? – равнодушно спросила она, украдкой делая несколько поспешных глотков коньяку.

Павел Александрович кивнул:

– Вальтер настоящий друг и прекрасный работник. Как обычно не подвел. Я им доволен. Молодчина. Подготовил контракт по-высшему разряду, мне осталось лишь поставить подписи на документах. Если все завершится так, как мы с Вальтером запланировали, то от этой сделки наша семья станет богаче на четыре миллиона долларов.

– Ого! – присвистнул Георгий.

Брови Ольги взметнулись.

– Ты не шутишь, дорогой?! – воскликнула она, совершенно не обратив на это сообщение никакого внимания, а лишь затем, чтобы сделать еще несколько лишних глотков коньяку.

Она прекрасно знала нрав мужа и понимала, что свалившиеся четыре миллиона не сделают его сговорчивей: «Ягуар» по-прежнему непросто будет «выбить» из Павла Александровича. Придется сильно постараться: в ход пойдут и слезы, и обиды и даже скандалы.

Георгий тоже знал своего отца. Раз речь идет о четырех миллионах, значит сделка принесет значительно больше. Он счел не лишним польстить отцу.

– Папа, – сказал он, – мною четко просматривается прогрессия твоих успехов.

– Да, это так, – с улыбкой превосходства подтвердил Павел Александрович, – сделка на редкость удачная. В этом году уже пятая французская сделка. Вальтер тоже неплохо заработает.

«Как же, – с неприязнью подумал Георгий, – неплохо заработает свои мизерные пять процентов. Где твоя совесть, отец? – мысленно спросил он. – Так бессовестно эксплуатировать лучшего друга?»

Георгий прекрасно понимал, что бизнес отца держится в основном на Вальтере. Если бы не его мозги, еще не известно, где были бы семейные денежки. Впрочем, семейными капиталы Павла Александровича Георгий уже не считал – ведь все достанется этой проходимке-французке. И Вальтер старается сделать ее еще богаче.

Порой Георгий даже злился на преданность Вальтера. Это уже вредило семье – так считал он.

Вальтер Кох, волжский немец, давний друг их семьи. Его покойная жена являлась Павлу Александровичу дальней родственницей. Вальтер был кумиром Георгия.

Высокий поджарый белокурый пятидесятилетний красавец-Вальтер был кумиром не только Георгия, но и его покойной матери. Это становилось ясно любому, как только Вальтер и Георгий оказывались рядом, настолько похожи были они. Те же густые, слегка выющиеся волосы, те же миндалевидные голубые глаза, тот же маленький чувственный рот.

Но Павел Александрович (пожалуй единственный) не замечал этого сходства. Пока не замечал. А может не хотел замечать?

Не удивлялся он и тому, что жена, не беременевшая пятнадцать лет их супружеской жизни, родила сына уже через год, после того, как Вальтер стал членом их семьи, женившись на троюродной сестре Павла Александровича.

А может удивился?

И не этим ли объясняется столь холодное отношение Павла Александровича к единственному долгожданному сыну?

Как бы там ни было на самого Вальтера Павел Александрович зла не держал. Вальтер был умен, изобретателен, предприимчив, коммуникабелен, честен, благороден, незаменим в делах и предан в дружбе.

Эти качества отлично способствовали обогащению акционерного общества, президентом и держателем контрольного пакета акций которого являлся Павел Александрович.

– Как ты собираешься поступить с этими миллионами? – неожиданно спросил Георгий.

Такие вопросы считались неприличными в их семье. На несколько секунд в столовой воцарилось молчание. Ольга едва не поперхнулась коньяком и испуганно уставилась на пасынка.

– Оставлю их за границей, – все же ответил Павел Александрович и пояснил: – С инвестициями пока повременю, проценты надежней.

Он пристально посмотрел на сына и с иронией поинтересовался:

– А что? У тебя есть проект?

– Да, – искоса глянув на Ольгу, ответил Георгий. – У меня есть проект.

Павел Александрович кивнул:

– Хорошо. Потом изложишь. В любом случае мне бы не хотелось привлекать деньги из зарубежных банков. Если проект того стоит, лучше изыскать средства на месте.

Георгий согласился:

– Тебе видней.

Ольга надула губки:

– Как вам не стыдно? Разве об этом надо сейчас говорить?

Взгляды мужчин обратились к ней: сердитый – Георгий и виноватый – Павла Александровича.

– Кстати, ангел мой, – с улыбкой воскликнул последний, – забыл тебе сказать. Ты можешь поблагодарить Вальтера.

Ее брови недоуменно взлетели:

– За что?

– Он блестяще выполнил мое поручение.

Ольга оживилась:

– Неужели Вальтер нашел Дэви?

– Нет, Дэви он не нашел. Ходят слухи, что тот подался на Суматру.

– Кто же тогда будет украшать мой вернисаж? – разочарованно воскликнула Ольга. – Я так рассчитывала на Дэви. Уверена, по старой дружбе он не отказал бы мне. Ведь мы познакомились еще тогда, когда никто о нем и не слышал. Я говорила, что он был другом моего первого мужа?

Павел Александрович недовольно поморщился и поспешно ответил:

– Да, много раз, ангел мой, гораздо больше, чем это было необходимо.

Заметив кислую гримаску жены, он поспешил добавить:

– Но не переживай, мое золотко, ты всех потрясешь: Вальтер к вернисажу пришлет какого-то Жаррона.

– Кто это? – удивилась Ольга. – Я даже не слыхала о таком.

– Говорят, он очень моден, – заверил жену Павел Александрович.

– Первый раз слышу это имя, – она выразительно посмотрела на Георгия, призывая его в союзники: – Жорж, а ты о нем слышал?

– Я в этом полный профан, – ушел тот от ответа, не желая нервировать отца.

Но и это не помогло, Павел Александрович начал раздражаться.

– Вальтер показывал целую кипу проспектов, – холодно сказал он, – газеты, журналы. Везде «Жаррон! Жаррон! Жаррон!» Хвалят, восхищаются.

Ольга нервно дернула плечом.

– Мне-то что с этого? – со слезами в голосе сказала она. – Здесь Жаррона никто не знает. Ты обещал сногшибательный вернисаж, а выходит нечто провинциальное. Как ты не поймешь, моему творчеству нужна оценка светилы.

Павел Александрович спасовал перед слезами жены. Раздражения как не бывало. Он виновато развел руками и попросил:

– Ангел мой, не спеши расстраиваться. Судя по тому сколько я заплатил этому Жаррону, именно он и есть настоящий светила.

– Не обязательно, – горячась, возразила Ольга. – Заплаченная сумма может говорить не только об этом. Она может говорить и о том, что он настоящий мошенник, каких немало сейчас хлынуло в нашу страну.

Павел Александрович просиял улыбкой. Ему было приятно, что Ольга сказала «в нашу страну». Он был патриотом.

– Ангел мой, не волнуйся, мы раскрутим этого Жаррона. Я обеспечу ему такую рекламу, что в нашей стране его будут знать лучше, чем самого Врубеля или Васнецова.

Ольга озадаченно уставилась на мужа. Она не знала, кто такой Васнецов и уж тем более Врубель.

– Это тоже художники, – ехидно пояснил Георгий, заметивший ее замешательство.

Слово «тоже» польстило Ольге. Таким образом Георгий косвенно признавал художницей и ее. На самом деле это «тоже» относилось лишь к Дэви и Жаррону.

С точки зрения Георгия их садовник, регулярно подкрашивающий ограду сада, имел большее право считать себя художником, чем мачеха, картины которой если и были шедевром, то только ужасающего дилетантизма и безвкусицы.

Правда, Георгий не спешил разочаровывать мачеху. Это было слишком опасно. К тому же Павел Александрович настолько не разбирался в живописи, что всякий раз приходил в восторг от нового, щедро вымазанного красками, полотна. Как только случалось это событие, Павел Александрович тащил сына в мастерскую жены, замирал в изумлении и восклицал:

– Чудо! Не правда ли, Гоша?

– Ты прав, это чудо, – соглашался Георгий и мысленно добавлял: «Чудо бездарности».

Глава 7

Павел Александрович не обманул свою «обожаемую женушку». За две недели до вернисажа все, кто хоть как-нибудь соприкоснулись с искусством, только и говорили что о Жарроне, причем как о величайшем творце современности. Следом прошел слух, что маэстро Жаррон якобы собирается посетить их город, и уж совсем сенсационным стало сообщение о том, что он согласился удостоить своим присутствием открытие вернисажа мадам Польшгаловой.

Посыпались визиты, звонки, поздравления...

Ольга, предчувствуя явный успех вернисажа, разволновалась, что картин будет недостаточно. Она хотела сразить всех своей плодотворностью. Несколько дней не выходила она из мастерской и побила все мыслимые и немыслимые рекорды, создав еще двадцать «шедевров».

– Нельзя так много работать, – добродушно поругивал ее Павел Александрович. – У людей от работы портится характер.

Ольга и в самом деле стала нервной. В доме то и дело раздавался ее истеричный смех. Порой ее смех был слишком не к месту и вызывал у окружающих удивление. Марина тоже была возбуждена. Даже Павел Александрович немного волновался. Он слишком много времени и средств отдал предстоящему вернисажу. Как человек сверхрациональный, он считал что запланированный триумф жены – теперь и его триумф.

И вот... вернисаж!!!

Все было чинно и благолепно. Жаррон по-французски произнес длинную речь. Ольга сама переводила, бессовестно добавляя восторгов и от себя. Жаррон, ничего не понимая, соглашался, кивал.

Он часто с восхищением поглядывал на Ольгу. Улыбка радости не сходила с его лица. При этом он не играл, потому что еще никогда не был так счастлив. Это был и его триумф. Он и мечтать не мог о таком приличном гонораре, не говоря уже об успехе, почитании и костюме, который ему выбрала в дорогом бутике сама красавица-Ольга.

Поэтому речь Жаррона была длинна и цветиста. Своим переводом Ольга делала речь еще длинней. Аудитория слушала, затаив дыхание. Павел Александрович был важен и горд как никогда.

«Это моя! Моя жена!» – было написано на его лице.

Впрочем, Ольга старательно его не замечала.

Наконец Жаррон торжественно перерезал ленточку, и сливки общества возымели возможность соприкоснуться с «настоящим искусством».

Ольга стояла в центре зала и с любезной улыбкой принимала поздравления. Волосы ее были забраны вверх, от чего шея, украшенная бриллиантовым колье, выглядела еще длинней. Ее прекрасное лицо казалось лицом дамы, сошедшей со средневековых полотен. Ольга была восхитительна. Ее платье вызывало вожделение у мужчин и зависть у дам, хотя ни одна из них надеть такой наряд не решилась бы. Слишком смело, слишком рискованно. Ольге же, как француженке, было позволительно много больше местных дам, в чем и состояло особое ее очарование.

Публика разбрелась по галерее и щедро делилась впечатлениями.

– Прелесть! Прелесть! – слышалось там и тут.

– Чудо!

– Бездна таланта!

– Какая изощренная фантазия!

– Рука мастера!

– Новое слово в искусстве!

– Потрясающе!

– Просто не верится, что столь молодая женщина так преуспела!

Повсюду раздавались возгласы преувеличенного восхищения. Ольга с достоинством их встречала, лаская поклонников нежной улыбкой. Эту улыбку она выбирала для себя несколько дней, тайком репетируя ее перед зеркалом в гардеробной. На одну лишь секунду она сняла улыбку с лица: когда подошел Павел Александрович. Сняла, но тут же вернула.

– Ангел мой, чувствую, вернисаж удался, – шепнул он, целуя жене пальчики.

– Да, это так, дорогой, – сдержанно ответила она. – Но разве могло быть иначе?

– Нет, не могло, – согласился он и добавил ложку дегтя в бочку меда: – Я слишком много денег сюда вложил.

Ольга хотела рассердиться, но передумала. Она действительно заранее знала что обречена на триумф и даже была ознакомлена с хвалебными откликами критиков, статьи которых должны появиться в завтрашних газетах. Более того, ей была предоставлена возможность править эти статьи по своему усмотрению. Усмотрение Ольги (естественно) в этой ситуации было однозначным.

– Иди к гостям, дорогой, – нежно сказала она, целуя мужа в лысину. – Не мешай мне блистать. И направь ко мне своего задиристого сына. Он здесь единственный еще не поздравил меня. В конце концов, это неприлично. Люди подумают, что мы в ссоре.

– Да-да, ты права, – согласился Павел Александрович. – Сейчас он нагоняй от меня получит.

Георгий бродил по галерее, щедро увешанной сумбурно раскрашенными полотнами, и не переставал удивляться.

«Господи ты боже мой! – насмешливо думал он. – Сколько же приличной масляной краски перевела эта сумасбродка! Уж точно все заборы в городе можно было бы выкрасить!»

На этой мысли Павел Александрович и застал своего сына и тут же качественно его отчитал, часто кивая на жену. В конце концов Георгий тоже посмотрел на Ольгу, причем без всякого удовольствия. Она же лукаво поманила его пальчиком и даже послала воздушный поцелуй. Он нехотя к ней подошел и сказал:

– Куда ни плюнь – везде знакомые лица.

– Видишь, какой успех! – горделиво воскликнула Ольга. – Но ты по-прежнему не одобряешь моего творчества?

Георгий пожал плечами, после отповеди отца не желая вступать в противоречие с мачехой. Он был зол на весь белый свет и больше всех на поклонников псевдоталанта Ольги.

«Классик неправ: в России две беды – дураки и... дуры, – мысленно досадовал он. – Это насколько надо не разбираться в искусстве, чтобы речь жалкого заезжего маляра могла произвести такое впечатление. Ха, поверили в талант человека, имеющего к живописи такое же отношение, как корова к балету. Ладно продажные искусствоведа, но здесь же полно нормальных умных людей, и все они в один голос хвалят эти позорные картины. Да что там хвалят, с интересом рассматривают их, – ужаснулся Георгий. – Неужели не видит никто, что король-то голый!»

– Ты почему молчишь? – рассердилась мачеха. – Похвали меня в конце концов.

Георгий впал в еще большую задумчивость. Заметив его сомнения, она возмутилась:

– Знаешь, если долго колебаться, можно всех заколебать...

Георгий не выдержал и спросил:

– Ты в самом деле веришь, что это не стыдно людям показать?

Она усмехнулась:

– Ну... не все похвалы, наверное, искренни, и Жаррон несколько перестарался в своих восторгах...

– Или ты, переводя их, – добавил Георгий.

– Ты слишком строг, – рассердилась Ольга, но новые обожатели нарушили их беседу.
– Я не верю. Неужели эти маленькие ручки способны на такое? – сладкоголосил директор банка.

– Безумно интересно! – вторила его жена.

Георгий с ненавистью подумал: «А вот и еще поклоннички, парочка уродов: одной жопы ягодицы. Он трясется перед собранием акционеров, самый крупный из которых мой отец, а его бомба-жена ему неумело подыгрывает».

Ему было горько, что униженно подхалимничают они Ольге, а не ему – знают какова расстановка сил в семье Полыгалова.

«Толстая чванливая дура,» – подумал он о жене банкира и отошел. Никто этого не заметил.

Ольга, слушая восторги банкира, принялась разыгрывать смущение.

– Нет, вы талант, истинный готовый талант, – лебезил он без всякой совести.

– Ну что вы, – фальшиво отбивалась Ольга, – мне еще работать и работать...

Неожиданно она почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Повернувшись, наткнулась на пронзительно-синие глаза, иронически рассматривающие ее из-под густой каштановой шевелюры.

«Где же я видела эти глаза?» – рассеянно подумала Ольга.

– Какое на вас платье! Сразу чувствуется настоящий шик! Кто это? Белиз? Диор? – без умолку тараторила банкирша.

– А пропо!¹... – начала было Ольга и осеклась.

Она намеревалась полюбопытствовать у банкирши, не знает ли та, кто этот высокий синеглазый красавец, который так пристально изучает ее. Изредка Ольга путала языки и обращалась к собеседнику на французском. Но исправить ошибки она не успела.

– Апропо! – обрадовалась банкирша, посчитав, что получила ответ. – Так это платье от Апропо! Какая прелесть! Я давно хотела иметь что-нибудь от него!

Она отошла на два шага, чтобы получше рассмотреть Ольгу, а рассмотрев, задохнулась от восторга и закричала:

– Я знаю, Апропо в этом сезоне очень моден!

Ольга не знала как исправить ошибку и стоит ли ее исправлять, но с трудом удерживалась от смеха. Вместе с тем ее очень заинтересовал нахальный молодой человек, до сих пор не отводивший своих синих глаз. Ольгу волновали эти глаза, она решила воспользоваться осведомленностью вездесущей сплетницы-банкирши.

– Милочка, вы знакомы со всеми приглашенными? – спросила она.

– Конечно да, – ответила та, не понимая как может быть иначе.

– Тогда не подскажите мне, кто это так вальяжно подпирает колонну? Только не оглядывайтесь сразу. Мне не хотелось бы обнаруживать свой интерес.

Банкирша конечно же сразу оглянулась и удивленно пожала плечами.

– Странно, – изумилась она. – Кто бы это мог быть? Я вижу его впервые. Однако как он красив. Вы не находите?

– Нахожу, – согласилась Ольга, уже жалея, что затеяла этот разговор.

«Так и до Павла дойдет, – подумала она, – а он и без того замучил своей ревностью».

– С кем же он пришел? – упрямо гадала банкирша. – Похоже этот Аполлон без дамы.

– Мне тоже так кажется, – согласилась Ольга, не чая как избавиться от ее общества и снова подманивая к себе Георгия.

Как только он подошел, Ольга воскликнула:

– Извините, мне нужно мужу сказать пару слов. Жорж, проводи меня.

¹ А PROPOS фр. – кстати.

Подхватив пасынка под руку, она поспешила в сторону незнакомца, притворно жалуясь:
– Уже устала от похвал.

– Ничто не дается так дешево как хочется, – ядовито посочувствовал Георгий, но Ольга не слушала его.

Все мысли ее крутились вокруг синеглазого незнакомца.

«Где же я могла его видеть?» – напряженно гадала она, небрежно снимая бокал шампанского с услужливо протянутого официантом подноса.

– Ольга, глянь налево, и владелец «Порша» заинтересовался твоим искусством, – ядовито произнес Георгий.

«А-а! Точно! – вспомнила она. – Как я сразу не сообразила? Это же тот мужчина из кафе. Я столкнулась с ним когда ехала встречать Павла.»

– Кто? Где? – прикинулась непонимающей она.

– Владелец «Порша». У колонны. Разве не о нем ты спрашивала у банкирши? – хитро улыбаясь, ответил Георгий, поражая Ольгу своей проницательностью.

Она улыбнулась:

– А-аа, значит это тот нахал, который придавил нас своим автомобилем. То-то я думаю физиономия знакомая.

Павел Александрович незаметно подошел и прервал их диалог. Он был счастлив и возбужден.

– Ангел мой, ну что? Видишь какой успех? Ты не ожидала?

– Ты что, весь вечер с этими вопросами будешь ко мне подходить? – раздраженно спросила Ольга.

Он удивился:

– Разве это плохо? Я радуюсь, потому что и сам не ожидал.

– А я всегда была уверена в своем таланте, – гордо ответила она.

Павел Александрович почему-то смутился и залепетал:

– Я тоже, но и мне пришлось поработать и не только поработать, но и...

«Слава богу, он не круглый в искусстве дурак,» – подумал Георгий.

Уловив его злорадный взгляд, Ольга рассердилась, но гнев пролила на мужа.

– Любимый, – прошипела она, – ты хочешь сказать, что я тебя разорила? А я-то думала, что это и в самом деле мой успех. Оказывается всего лишь театр...

Павел Александрович всполошился.

– Ангел мой, прости, ты не правильно поняла. Я всего лишь хотел сказать... – начал оправдываться он, но вдруг переменялся в лице и закричал не своим голосом:

– Что?!! Что такое?!! Глазам не верю! Кто это там так жизнерадостно беседует с президентом «ПЛИМЫ»? Неужели это наша Марина? Как эта девка оказалась здесь?

Георгий мгновенно исчез.

– Я пригласила ее, – невозмутимо ответствовала Ольга.

Он ужаснулся:

– Домработницу?!! На вернисаж?!!

– Марина здесь не как домработница, а как моя подруга. И потом, мой вернисаж, кого хочу, того и приглашаю. Я же не ругаю тебя, что ты пригнал толпу незнакомых мне людей. Вот например тот красавчик, кто он такой?

Павел Александрович взглянул на незнакомца и пожал плечами.

– Понятия не имею. Ну уж наверное не человек с улицы, – безразлично сказал он и тут же вернулся к волнующей его теме:

– Душечка, так нельзя. Домработнице здесь не место...

– Можешь не продолжать. Я предвижу все, что ты скажешь. «Моветон², оскорбление для приглашенных.» Да кто знает, что она домработница? Кстати, Марина сегодня особенно хороша!

– Напрасно ты так, многие знают, что она домработница, – не унимался Павел Александрович.

– Ах, как не вовремя ты хочешь устроить ссору, дорогой, – отмахнулась Ольга.

– Ты не должна была так поступать. Это неуважение ко мне в первую очередь. Я столько сил отдал этой акции, – нудил Павел Александрович.

– Я не знала, что ты так оскорбишься, – вовремя вспомнив про «Ягуар», пошла на мир Ольга. – Прости, прости, любовь моя. Впредь буду осторожней, буду советоваться с тобой.

Оправдываясь, Ольга озабоченно поглядывала в сторону колонны. Ей вдруг захотела подойти к этому незнакомому мужчине, с интересом наблюдающим за ее бурной беседой с мужем.

– Ну, все? Ты больше не сердишься? – поспешно произнесла она, собираясь оставить Павла Александровича, но тот притянул жену к себе и шепнул:

– Поцелуй меня.

Ольга торопливо чмокнула мужа и испуганно бросила взгляд на колонну. Незнакомец исчез. Ей почему-то стало грустно и одновременно жутко.

– Пойду развлеку мэра, – сказал Павел Александрович.

– Да, да, дорогой, иди.

Она задумалась и не заметила как подошел Георгий.

– Ну, что? – тронув ее за локоть спросил он.

Ольга вздрогнула.

– Ох, как ты меня напугал! – вскрикнула она. – Посмотри, даже мороз по коже.

– Надо же, что с тобой происходит в последнее время? Ты сама не своя.

– Да, что-то мне нехорошо. Надо выпить.

– Обязательно надо, – издевательски согласился Георгий. – Поздно выпитая вторая – зря выпитая первая, так что поспеши.

Ольга рассердилась:

– Мне надо выпить только для успокоения нервов.

– Неужели они у тебя есть? – усмехнулся Георгий. – При знакомстве я не обнаружил у тебя сразу двух вещей: совести и нервов.

– Да, совесть меня не гложет, – с гордостью заявила Ольга, – я так зачерствела, что ей не по зубам! А вот нервы у меня есть.

– Если и есть, то исключительно для того, чтобы было что успокоить. Иди, дорогая, скорей выпей.

Поздно вечером, сидя в спальне у туалетного столика, Ольга подвела итог прошедшего дня и пришла к выводу, что если исключить Георгия, то можно признать: вернисаж удался. Но если удался, то почему так пусто на сердце?

«Ещё один день оказался напрасной тратой макияжа,» – подумала Ольга, уныло глядя на себя в зеркало.

– Павел, – крикнула она, – дорогой, у меня жутко болит голова. Может сегодня ты ляжешь спать в кабинете?

– Как хочешь, родная, – откликнулся муж.

Ольга повеселела.

² МОВЕТОН фр. – дурной тон.

– Но сначала я намерен выполнить свой супружеский долг, – продолжил он, и Ольгу перекосило от злобы.

«Так ужасно кончается день, начавшийся триумфом», – горестно подумала она.

Глава 8

– Мадам, вы забыли солнцезащитные очки! – крикнула с порога дома Марина.

Ольга весело сбегала по ступенькам к своему новенькому кабриолету. Она остановилась, поджидая спешащую навстречу девушку. Взяла очки, улыбнулась, поблагодарила:

– Спасибо, крошка. Если бы не ты, пришлось бы возвращаться. Солнце сегодня ослепительное.

– Смотри не пей по дороге, – не удержалась от напутствия подруга.

– Не волнуйся, только апельсиновый сок. Лучше пожелай мне ни пуха ни пера.

Марина удивилась:

– Ни пуха ни пера? Зачем это? Ты же не в клетку с тиграми отправляешься.

Ольга нахмурилась.

– Знаешь, в последние дни мне как-то не по себе, – шепотом призналась она. – Особенно когда выхожу из дома.

– Ну, тогда ни пуха ни пера, – пожала плечами Марина.

– К черту, – уже задорно воскликнула Ольга и снова весело зацокала каблучками по ступенькам.

Домработница проводила ее доброжелательным взглядом.

– Вот оглашенная, – усмехнулась она.

Если наедине Марина и Ольга обращались друг к другу на «ты», то в присутствии третьего лица подруги соблюдали декорум. Марина называла хозяйку «мадам», Ольга же употребляла в общении с домработницей массу ласкательных типа: душечка, лапушка и малышка.

– Смотри, опять опоздаем, – сердито произнес Георгий, когда Ольга уселась в свой новенький «Ягуар». – Может лучше я поведу?

– Еще чего? – возмутилась мачеха. – Я не пьяна и не собираюсь пить вообще.

– Посмотрим, – отворачиваясь, буркнул Георгий. – Еще не вечер.

Ольга повернула ключ в замке зажигания и лукаво спросила:

– Значит, говоришь, опаздываем? Ну что ж, тогда с ветерком.

Она резко сорвала кабриолет с места и рассмеялась громким неестественным смехом. Георгий побледнел. Он понял, что его мужеству предстоят серьезные испытания.

Автомобиль мчался на предельной скорости. Ветер свистел в ушах и разговаривать было невозможно. На горизонте показалось придорожное кафе, в которое заходила Ольга, когда они встречали Павла Александровича в прошлый раз.

– Ха! У этого заведения снова знакомый «Порш»! – прокричал Георгий.

Ольга глянула в сторону промелькнувшего кафе и слегка притормозила.

– Похоже тот тип завсегдатай местной забегаловки, – съязвил молодой человек.

– У меня тоже складывается такое же впечатление, – согласилась она, разворачивая автомобиль.

Георгий испугался:

– Что ты делаешь?

– Разве не видишь? Возвращаюсь, – невозмутимо ответила Ольга.

– Зачем?

– Зайду в кафе.

– С ума сошла! Мы опоздаем. Отцу вряд ли понравится...

Ольга рассердилась и не дала ему договорить.

– Прекрати, – прикрикнула она. – Напрасно Павел сомневается его ли ты сын. Своей брюзгливостью ты перещеголял даже его. А ведь тебе едва исполнилось двадцать два года. Что же будет, когда ты доживешь до его преклонного возраста?

– Тогда тебя не будет, старая кошелка, – сквозь зубы процедил Георгий.

Ольга не услышала его. Она ловко припарковала автомобиль вплотную к «Порше» и уже собиралась выпрыгнуть на тротуар. Георгий ее остановил.

– Не пойму, что ты задумала? – спросил он. – Зачем тебе эта забегаловка?

– У меня две причины. Хочу выпить сока и хвастануть перед владельцем «Порша» своим новеньким кабриолетом.

– Ерунда какая-то, – удивился Георгий. – К чему все это?

– Отстань, – отмахнулась Ольга. – Разве ты не понял, что этот самовлюбленный индюк хотел нас унижить. Именно для этого он поставил свой дорогой «Порш» вплотную к нашему дешевому «опелю».

– А теперь ты решила утереть ему нос?

– Именно так.

– Ты сумасшедшая! Это глупо. Кто он такой? Стоит ли перед свиньями метать бисер...

– Пусть так! Я скоро вернусь! – ответила Ольга.

Стремительно вспорхнув по ступенькам, она скрылась в дверях кафе.

На этот раз в зале тихо играла грустная музыка и царил волнующий полумрак. Официант и бармен скучали. Синеглазый незнакомец сидел на высоком табурете, небрежно облокотившись на стойку. Он курил сигарету и с видимым наслаждением потягивал через трубочку сок.

– О! Мадам! Как приятно снова приветствовать вас в нашем заведении! – радостно воскликнул официант, увидев Ольгу.

Она игнорировала его восторг и решительно направилась к стойке.

– Что вам угодно? Коньяк? Виски? – оживился бармен.

– Персиковый сок, – коротко бросила Ольга и уселась на высокий табурет рядом с незнакомцем даже не взглянув на него.

Мужчина, напротив, пристально наблюдал за ней, не скрывая своего интереса.

– Мы, кажется, видимся уже второй раз? – с усмешкой спросил он.

Ольга сделала вид, что лишь только заметила его присутствие. Незнакомец саркастично хмыкнул и видимо уже собрался уличить ее в неискренности, но Ольга его опередила.

– Третий, – громко произнесла она и привычным движением откинула со лба спадавшую на глаза прядь волос.

– Что – третий? – удивился мужчина.

– Третий раз видимся, – пояснила она и, ядовито прищурившись, улыбнулась.

Он обрадовался:

– А-а! Вы имеете ввиду вернисаж? Но там была совсем другая женщина: светская неприступность.

– Надо полагать, сейчас с вами разговаривает босяцкая доступность?

– Нет, я не это хотел сказать...

– А что же?

Мужчина внимательно посмотрел на Ольгу. Его синие холодные глаза наполнились теплом.

– Я хотел сказать, что такие встречи не могут состояться без всякой причины...

Ольга высокомерно повела плечом.

– Естественно, я вас выследила, – с ехидством сообщила она.

Он усмехнулся:

– Был бы счастлив, но, увы, это не так. Однако три случайные встречи просто обязывают, чтобы мы познакомились.

Взгляд его говорил о многом. Ольга смягчилась:

– Что ж, я не против. Но вы уже и без того знаете обо мне гораздо больше, чем я о вас. Раз вы были на вернисаже в этом сомнений нет. Так что знакомство будет односторонним.

Мужчина улыбнулся.

– Меня зовут Игорь, – с неуместной нежностью в голосе сказал он. – Надеюсь, вы разрешите называть себя просто Ольгой?

– Нет конечно, – уже шутливо возразила она. – Перед именем вы обязаны ставить мой титул.

Бармен, сообразив что его клиенты завязывают знакомство, тактично удалился в подсобное помещение. Официант последовал за ним.

Теперь они сидели в пустом зале.

Оба молчали, но молчание было слишком красноречивым. Он смотрел на нее, она – в сторону, давая возможность любоваться собой, а в том, что он любит, сомнений не было. Наконец он сказал:

– Ольга...

Голос его слегка охрип. Она посмотрела в его синие глаза – они подернулись поволокой.

– Да, я слушаю.

Было очевидно, что он не может говорить: переполняют чувства. Она сделала короткий глоток сока, для разрядки напряженности поморщилась и сказала:

– Фу, горечь какая! Он что, из прокисших персиков?

Игорь внезапно схватил ее руку и страстно поцеловал мягкую надушенную ладонь.

– Ольга! Я хочу вас...

Он запнулся, она вскрикнула:

– Что?

В ее голосе было слишком много возмущения; синие глаза потухли.

– Хочу вас видеть каждый день. Ольга, я схожу с ума, вы околдовали меня, лишили сна и покоя.

Его хрипловатый голос слегка дрожал. Она почувствовала волнение и сладкую истому, но недоверчиво подумала:

«Если б он разыскал меня сам, тогда, может, я и поверила бы, а так... Парниша просто воспользовался подвернувшимся случаем... Возможно и так, но на вернисаже он был не случайно. Павел точно его не приглашал. Я – тем более.»

Заметив ее сомнения, он вдохновился:

– Ольга, умоляю вас! Это болезнь! Я сам не свой! Не отказывайте мне!

«Однако, мальчик явно получил театральное образование, – с удовлетворением отметила она. – Каков селадон. Умеет ловить моменты».

– Ольга! Не молчите! Вы слишком жестоки! Умоляю, ответьте мне!

«Сколько в нем смелости, уверенности, напористости, но приемы слишком избиты и примитивны. А слова: „умоляю“, „болезнь“, „околдовали“ – так не говорят уже сто лет. Из какого он взял все это спектакля? Верно из „Мадам Бовари.“ Впрочем, ему и стараться не нужно. Бабы и без всяких ухищрений тают в его руках, словно воск».

– Ольга!

Она ответила холодно:

– Чего вы хотите?

– Я прошу вас лишь об одном...

– О чем же?

Ее тон был нарочито холоден.

«Мальчик слишком самоуверен. Не дурно несколько его осадить.»

– Вы так неприступны, – упавшим голосом произнес он.

Ольга, заметив неподдельный спад энтузиазма, испугалась.

«Переборщила, – подумала она. – Не стоит отталкивать этого Казанову, каковы бы ни были его намерения. Он красив, умен, а я скучаю и в последнее время явно испытываю дефицит обожателей».

Действительно, времена, когда одно ее появление на улице было подобно сенсации и приводило в оживление всех мужчин без исключения...

Увы! Эти прекрасные времена безвозвратно канули в Лету...

Теперь красивые молодые мужчины с шикарными машинами и толстыми бумажниками все чаще и чаще смотрели на нее рассеянными взглядами или и вовсе равнодушно отводили глаза.

– Так чего бы вам хотелось? – уже мягче спросила Ольга.

– Не расставаться никогда, – не моргнув глазом, ответил Игорь.

С минуту она его изучала. Он явно волновался, даже покраснел, был слегка растерян и это заставляло верить ему.

– Убеждена, что вы знаете мой адрес и номера моих телефонов.

Он кивнул:

– Да, знаю.

– Что ж, я не сомневаюсь в вашем невероятном упорстве.

– Могу ли я понимать эти слова как разрешение вам позвонить?

– Не забывайте, что я замужем, – ответила Ольга и, подарив Игорю ласковую улыбку, поднялась с табурета. – До свидания.

– До свидания?

Она задержалась:

– А что же? Конечно, до свидания.

И пошла.

– До свидания. Не прощай, – прошептал он, провожая ее взглядом, полным сожаления и обожания одновременно.

«Он позвонит», – подумала Ольга.

Глава 9

Ольге повезло: Павел Александрович пробыл дома всего несколько дней. Более того, на этот раз он уехал не один: прихватил с собой и шпиона-Георгия, которому удалось-таки убедить отца инвестировать его проект. Ольга была на седьмом небе от счастья. Свобода! Свобода!

«Это судьба, – подумала Ольга. – Не зря же все складывается так удачно».

Радуюсь предстоящей свободе, она прощалась с мужем особенно нежно. Даже пустила слезу. Впрочем, он не слишком это заметил.

– Ангел мой, надеюсь ты не будешь скучать, – машинально бросил он жене, уносясь мыслями в предстоящие события своей деловой жизни.

– Я тоже на это надеюсь, – ответила Ольга, глядя на мужа, но вспоминая пронзительно-синие зовущие глаза Игоря.

Павел Александрович шутливо погрозил пальцем домработнице и сказал:

– Смотри, Марина, Гошу забираю с собой, следовательно оставляю свою бесценную драгоценность на полное твое попечение. Головой будешь отвечать за нее. Головой!

Девушка усмехнулась.

– Головой! – еще раз повторил Павел Александрович для пушей убедительности.

– Вы же еще вчера утверждали, что у меня нет головы, – зловредно напомнила Марина. – Так что, скорей всего, отвечать мне придется тем местом, которое у меня вместо головы.

– Негодница, – опять шутливо погрозил пальцем Павел Александрович и, в последний раз механически обласкав жену, вышел из дома.

Поскольку Георгий поехал с отцом, было решено, что Ольга не будет провожать мужа. Она постояла на залитой солнцем площадке, помахала рукой вслед удаляющемуся автомобилю и радостно побежала в дом. Внутри все пело: «Свобода! Долгожданная свобода!»

Муж уехал, Георгий уехал, домработница была заблаговременно отпущена. Когда Ольга вошла в холл, Марина уже решительно стягивала с себя белый фартучек и поспешно снимала дорожную кружевную наколку.

– Ну, я пошла?

– Да, да, конечно, – рассеянно ответила Ольга, даже не взглянув на Марину.

Она думала об Игоре. Его синие глаза тревожили ее, волновали.

– Я так поняла, что вернуться должна не позже следующей субботы?

Ольга вздрогнула:

– Что?

– Я так поняла, что вернуться должна не позже следующей субботы, – повторила Марина.

– Нет, лапушка, лучше на день раньше. Мало ли что? Вдруг они прилетят до срока.

– Усвоила. Значит до пятницы?

– До пятницы, – согласилась Ольга.

Марина чмокнула ее в губы. Ольга вяло откликнулась на ее поцелуй.

– Ангел мой! – шутливо воскликнула Марина, явно подражая Павлу Александровичу. – Что с тобой? Ты сама не своя!

– Все в порядке, – отмахнулась Ольга.

– Не ври!

– Иди, а то на автобус опоздаешь, – рассердившись, нетерпеливо прикрикнула Ольга.

Марина удивленно подняла брови и, пожав плечами, направилась к двери.

– Да, полуфабрикаты в первом холодильнике, – напомнила она, – фрукты во втором. Продуктов должно хватить на две недели.

У двери она приостановилась и озабоченно посмотрела на Ольгу.

– Ладно, иди уже, – снова рассердилась та. – Как-нибудь разберусь.

– Я, как обычно, тщательно расписала твою диету. Тетрадка на столе.

Ольга притопнула ногой:

– Уйдешь ты наконец?

– Уйду! Еще без меня заскучаешь!

И Марина возмущенно хлопнула дверь.

«Заскучаю, как же, – с блаженной улыбкой мысленно ответила ей Ольга, – держи карман шире».

Ожидание было мучительным. Оставшись одна, Ольга неприкаянно слонялась по огромному дому. Поднявшись на второй этаж, она открыла окно в спальне и минут двадцать наблюдала за садовником, возившимся в проснувшемся от зимней спячки саду.

Ольга его не видела. Мысли ее крутились вокруг Игоря. Ольга ждала его звонка и сожалела только о том, что там, в кафе, была слишком неприступна.

«Что мне мешало попросить его визитку? – ругала она себя и тут же оправдывалась: – Но кто же знал, что Павел так быстро уедет, да еще Жоржа прихватит с собой? Кто знал, что все так удачно сложится? Кто знал, что буду свободна?»

Ожидание было мучительно, томила неизвестность, но многоопытная Ольга в глубине души была уверена, что ее новый знакомый уже знает об отъезде Павла Александровича.

«Насколько я разбираюсь в мужчинах вообще и в таких как Игорь в частности, звонок должен раздаться с минуты на минуту, – успокаивала она себя. – Раз он на вернисаж проник, уж здесь-то проще, я в доме одна: Игорь не упустит возможности продемонстрировать свои дерзость и настойчивость».

Но звонка все не было и не было. Ольгу уже охватили сомнения.

«Неужели сорвалось? – с тоской думала она. – Неужели я ошиблась? Жаль, такой захватывающий наклеивался адюльтер. Можно было великолепно встряхнуться, размять свои застоявшиеся чувства. Но как же так? Почему он не звонит? Не могу поверить, что он охладел. Красавчик явно был у меня на крючке.»

Ольга взглянула на часы. Павел Александрович и Георгий уже наверное в Киеве.

«Я слишком спешу. Он бережет мою репутацию, сама же просила об этом, – успокоила она себя. – Но слишком уж бережет, самолет давно приземлился. А вдруг это не так?»

Ольга набрала справочную службу аэропорта; противный скрипучий голос подтвердил:

– Самолет совершил посадку в Киеве.

«Ничего не понимаю. Почему он медлит? Вероятно моему красавчику помешали какие-то непредвиденные обстоятельства,» – не сдавалась она.

Сердце говорило, что он должен, должен с минуты на минуту позвонить. Сердце ее никогда не обманывало. Не обмануло и на этот раз: когда Ольга уже была близка к отчаянию, наконец прозвучал долгожданный звонок, который подействовал на нее как сигнал трубы на кавалерийского коня.

– Это Игорь! – воскликнула она, бросившись к телефону.

Уверенность мигом вернулась к Ольге. Она уже не сомневалась: звонил именно ее новый синеглазый знакомый.

– Алло!

Она постаралась придать своему голосу ленивые и равнодушные интонации.

В трубке раздался томный приглушенный баритон, украшенный легкой хрипотцой:

– Ольга...

Она сразу узнала этот голос, хотя никогда прежде не слышала его по телефону. Узнала по характерным оттенкам, легкому придыханию. Узнала! Но не подала вида.

– Кто говорит? – строго спросила она.

– Это я, Игорь...

– Какой Игорь?

– Ольга, не мучай меня. Я знаю, ты ждала моего звонка.

Эта фраза прозвучала хуже пощечины. Самоуверенность мужчины лишала Ольгу в собственных глазах всех баллов.

– Судя по нахальству, это мой случайный знакомый. Посетитель придорожных забегалов, – с презрением произнесла она.

– Ты обиделась?

– Наглец, не льсти себе, – холодно ответила Ольга, собираясь вешать трубку.

Один бог знает, как ей не хотелось этого делать. Но лицо горело от обиды, сердце бешено колотилось в груди. Он решил, что она ждала его, его, этого молокососа! Кто он такой? Ничтожество!

Она не решилась повесить трубку.

– Ольга! Прости!

– Ты слишком самоуверенный болван! – она нарочно его оскорбила.

Обидится – пошел к черту, не обидится – значит квиты.

Он не обиделся, более того, сам начал просить прощения:

– Ольга, умоляю, прости, я брякнул глупость, но выслушай меня и тогда поймешь, что я не виноват.

– Слушаю, – сухо ответила она.

Он сбивчиво и путано заговорил, упорно обращаясь к ней на «ты»:

– Я так много думал о тебе, о нашей встрече, что, уверен был: мои мысли не могли не передаться на расстоянии. Только об этом я говорил, только это имел ввиду, а не то, о чем ты подумала.

Ольга придирчиво прислушивалась: в его голосе чувствовался искренний испуг. Она его простила и игриво поинтересовалась:

– Считаете, я должна вам верить?

– Жутко хочу тебя видеть, – выдохнул он.

Ольга выдержала паузу, которую он не перенес, торопливо добавив:

– Если сейчас же не согласишься на встречу, боюсь, наделаю глупостей.

Она молчала, наслаждаясь своей победой.

– Ольга, не молчи, умоляю! – от неуверенности он перешел на «вы».

Ольга глянула на часы.

«За два часа успею привести себя в полный порядок,» – прислушиваясь к частому биению своего сердца, прикинула она.

– Ольга! Ольга! – умоляюще раздавалось на том конце провода. – Я не шучу! Я способен на совершеннейшие безумства!

– Через три часа в нашем кафе, – обронила она и повесила трубку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.